

10 лет и старше

ТАИНСТВЕННЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Наталия Чернова

# Тайна Черной Дачи-1



Наталия Чернова • Тайна Черной Дачи-1



«РОСМЭН»



**ТАИНСТВЕННЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ**

**Наталия Чернова**

# **Тайна Черной Дачи-1**

**Москва • «РОСМЭН» • 2000**

ББК 84(2Рос)6  
Ч-49



# 1

Школьная каторга кончилась, в дневнике — более чем приличные отметки, и мало того — из душной и загазованной Москвы мы переселились наконец-то на нашу милую дачу. Казалось бы, спи и спи себе. Совесть чиста, воздух тоже, тишина и покой... Так ведь нет — в это июньское теплое утро я проснулась неестественно рано.

Разбудил меня звон китайских колокольчиков. Только вчера я, уже валясь с ног от усталости, прикрепляла их к абажуру. Прикрепила на свою голову! Окно по случаю теплой летней ночи было распахнуто, ветерок играл легкой тюлевой занавеской и разбудил мои колокольчики. Можно было бы, конечно, встать и снять их или хоть приглушить какой-нибудь тряпкой, но сна у меня уже не было ни в одном глазу. Вставать, собственно, тоже пока не хотелось. Я лежала, рассматривая свою комнату.

Оказывается, я успела ее основательно подзабыть за долгие осень, зиму и весну. Прошлым летом я увлекалась Линдой, и потому все стены были завешаны плакатами с ее фотографиями.

«Чувствую, этим летом Линда сменится на Ди Каприо», — пошутил вчера папа, оглядывая мое убежище.

Я только усмехнулась про себя. Милый папа! Ди Каприо — пройденный этап. Нет, он мне, конечно, очень нравился, но только до тех пор, пока не начал нравиться всем без исключения девчонкам в нашем седьмом «Б». Они как с ума посходили: коллекционируют фотографии, видеокассеты, пишут ему душещипательные письма...

Нет уж, мои дорогие, майтесь дуры без меня! А у меня появилось более интересное хобби — и не какая-нибудь девчачья глупость, непременно связанная с любовными чувствами, а настоящее дело, взрослое и немного жутковатое...

И как только я об этом вспомнила, мне тут же расхотелось валяться в постели. Глупо тратить каникулы таким образом! Вдобавок мне отчего-то захотелось есть. Мама поднимется не раньше десяти — она всегда долго спит на даче, а папа вчера вечером уехал обратно в город: ему сегодня на работу. Значит, на завтрак рассчитывать нечего. Что ж делать, приготавливаю что-нибудь сама.

Нашарив тапочки и накинув халатик, я потихоньку спустилась вниз. Кухня была загромождена разными коробками и сумками — здесь еще не разобрали. Все же мне удалось пробраться к холодильнику и достать пакет молока и кусок сыра. Хлеба, как водится, не было, пришлось грызть сухое печенье.

Наскоро перекусив, я отправилась обратно к себе. В отличие от родителей, я еще вчера разобрала свои вещи, повесила в шкаф тряпки и рас-

совала мелочи по ящикам письменного стола. Там-то, в нижнем ящике, под старыми номерами «Cool girl» в непрозрачном пластиковом пакете и лежало мое сокровище...

Этой весной мы с подружкой Жанкой зашли в антикварный магазин. Там иногда можно было за смешные деньги купить такую феничку — закачешься! Я вот, например, как-то прихватила в таком же магазине здоровенный янтарь на цепочке, и все мне обзавидовались, его даже мама брала поносить к зеленому костюму. На этот раз у меня был полтинник от денег, подаренных папой ко дню рождения, и я надеялась купить что-нибудь в том же роде, а Жанке плевать было на все побрякушки, ей только книжки подавай. Потому она и полезла сразу в книжный развал, пахнувший плесенью и еще чем-то неприятным, — так пахнет обычно в домах у пожилых и неопрятных людей.

Я ничего интересного на этот раз не нашла, поэтому потянула Жанку уходить. Но она отложила для себя кучу книг и теперь, стоя над ними, мучительно соображала: что выбрать? На все у нее денег не хватало, хотя книги были дешевые. Не понимаю, зачем ей весь этот хлам и что можно в нем найти интересного? Вот Стивен Кинг — совсем другое дело...

Из любопытства я начала рассматривать отложенные книги и сразу увидела Ее. И странно, я сразу поняла, что это Она. И что она мне очень нужна.

Книга была старая, еще дореволюционная, с «ятами». Такие очень неудобно читать, но на это я не обратила внимания. Страницы ее были местами заляпаны воском, захватаны грязными паль-

цами, а кое-где, на чистых местах, исписаны чернилами. Чернила выцвели до бледно-лилового цвета, но все равно можно было понять, о чем идет речь.

Это была колдовская книга. Не такая, как те книги, что в ярких обложках лежат в любом книжном магазине: там еще пишут всякие дурацкие заговоры «на любовь» и «на разлуку». Но я в них никогда не верила, даже когда помладше была. По-моему, чтобы действительно уметь колдовать, мало знать слова заговора, надо еще и особенный талант иметь...

— Слушай, уступи мне эту книгу, — попросила я Жанну, стараясь не выдать своего волнения, потому что тогда она могла бы решить, что эта книга ей и самой нужна.

— Да ради Бога, — пожала она плечами. — Только ты посмотри, сколько она стоит, а потом говори!

Я посмотрела. Действительно, таких денег у меня не было, хотя стоила она не так уж и много.

— Может, ты мне одолжишь? — спросила я у Жанны.

Она только фыркнула.

— Да ты что, мать, рехнулась? У меня с собой червонец мелочью...

Но я уже не могла выпустить свое сокровище из рук.

— Что-нибудь выбрали, девочки? — обратилась к нам продавщица. Она уже давно за нами наблюдала: боялась, видно, что стащим что-нибудь.

— Да... — смутилась я и тут решилась: — Извините, вы не отложите эту книгу на несколько часов? Я сбегая домой за деньгами...



Продавщица взглянула на книгу и махнула рукой.

— Да она у нас уже несколько месяцев лежит, ее никто ни разу и в руки не взял. Ну хорошо, отложу, не волнуйся.

Я побежала домой. Мама готовила обед и что-то напевала на кухне.

— Мам, мне нужны деньги, — начала я с места в карьер. Лучше бы подойти дипломатичнее, но у меня уже сил на это не хватило.

— Вот как? — ухмыльнулась мама и продолжила переворачивать мясо на сковороде деревянной лопаточкой. — Что на этот раз? Новая заколка или видеокассета?

— Книга, — робко сказала я.

Мама с удивлением обернулась. Что и говорить, книг я покупала мало. У нас приличная библиотека, все нужное для занятий я нахожу там, а всякие модные новинки, в том числе и того же Стивена Кинга, беру почитать у подруг.

— Ну, раз книга... Возьми в шкафу, в деревянной шкатулке. Сколько она стоит?

— Восемьдесят.

— Дорогая книжка-малышка, не находишь? А, Елена?

— Ну, мамочка...

— Ладно, ладно, иди.

И я, окрыленная, полетела в магазин. Целый вечер я провела за чтением, вдыхая неповторимый запах старой бумаги. Мне казалось, что в мою жизнь вошло что-то очень важное. Это была не просто книга, это был, можно сказать, учебник, и говорил он о тайнах мироздания, о тех невиди-

мых существах, которыми полны воздух и вода, которые живут в пламени и в земных недрах... Я и раньше знала, чувствовала, что-то такое есть, но теперь я могла войти с этими существами в контакт! Если, конечно, у меня получится.

Не знаю почему, но я не стала никому показывать книгу. Мама, я думаю, просто испугалась бы: она неприязненно относится ко «всякой мистике», а папа начал бы надо мной, чего доброго, подшучивать, величая великой колдуньей и еще как-нибудь. Нет уж, лучше держать это в тайне!

По той же причине я не могла начать опыты. Они никаких особенных приспособлений и снадобий не требовали, но держать их в секрете было бы невозможно. Именно поэтому я отложила свою мечту до лета, до того времени, как мы переберемся на дачу. Здесь мне предоставлено гораздо больше свободы, папа приезжает только ночевать, а мама целыми днями возится на нашем участке — ее хлебом не корми, дай только в земле покопаться. Правда, она выращивает замечательные цветы...

Я почувствовала, что озябла, сидя на полу. Взглянула на часы: как быстро пролетело время! Пора одеваться, сейчас проснется мама.

Я влезла в джинсы, разыскала в шкафу свою новенькую красную маечку и снова спустилась вниз, на кухню, откуда уже доносилось шкворчание масла на сковородке и аппетитные запахи.

— Доброе утро, мамочка.

— Доброе утро, Елена. Как спалось на новом месте? Видела жениха во сне?

— Какого жениха? — не поняла я и пододвинула к себе тарелку с блинчиками.

— Разве ты не знаешь? Если спишь на новом месте, нужно сказать: «На этом месте приснись жених невесте», и тогда увидишь во сне своего суженого.

— Ну что ж ты мне раньше не сказала?! Я упустила такую возможность!

Блинчики были очень вкусные.

— Кажется, у тебя есть реальный шанс увидеть своего суженого, — заметила мама, глядя в окно. — К нашей даче идет Марат.

Мне даже есть расхотелось. Марат — мой «дачный» друг и сосед. Мы с ним видимся каждое лето, в Москве его семья живет далеко от нашей, на другом конце города, и поэтому в городе мы не общаемся. Зимой я словно забыла о нем, но на самом-то деле помнила всегда! И теперь вылетела ему навстречу.

— Привет, Марат!

— Здорово, Ленка!

Он очень вырос, раздался в плечах. Прошлым летом мы были одного роста. Марат, может, даже чуть-чуть пониже. А теперь он выше меня на полголовы и выглядит как настоящий парень. Он тоже пристально смотрел на меня, словно не узнавая. Вдруг я не к месту вспомнила, что у меня появилась грудь, а красная маечка ее откровенно подчеркивает. Но, впрочем, тотчас забыла об этом, потому что Марат вывалил на меня целую кучу новостей.

Он тоже встал сегодня рано и успел уже, похоже, обежать всю округу. Вредина и воображала Светка еще не приехала, но около ее дачи стоит джип — наверное, ее отец решил проверить, все

ли в порядке. Наша теннисная площадка в полном порядке, нужно лишь натянуть сетку и сыграть первую летнюю партию. Потом хорошо бы сбегать на озеро...

— Стоп-стоп! — запротестовала я. — Не слишком ли много дел для хорошего летнего дня?

Но Марат уже схватил меня за руку.

— Побежали!

И мы помчались к Светкиной даче. В нашей компании Светку недолюбливали. Она слишком уж хвастается своим крутым папой и даже на даче одевается так, словно в ночной клуб собралась. А в прошлом году она начала пользоваться косметикой, и это выглядело ужасно. Мне мама позволяет только чуть подкрашивать ресницы и пудрить нос, чтобы не блестел, а Светка перемазывалась вся и думала, что это сногшибательно. Дико, конечно, видеть синие тени и яркую помаду на лице двенадцатилетней девчонки в такую жару, когда все краски расплываются...

Но когда Светка перестает важничать, она — ничего, хорошо играет в теннис, и у нее всегда есть самые последние диски и компьютерные игры.

У дома действительно стоял джип. Рядом суетились какие-то люди, похожие на обычных грузчиков. Они вытаскивали из него многочисленные ящики. Но заносили их вовсе не в Светкину дачу, а в старый полуразвалившийся дом, что стоял по соседству.

— Там же лет сто никто не живет, — шепнул мне Марат. — Мне даже казалось, что там и жить-то нельзя: все прогнило и рассыпалось.

Эту дачу мы прозвали еще в детстве Черной Да-

чей. Совсем маленькие, мы забирались туда по вечерам и рассказывали друг другу страшные истории про зеленые глаза и гроб на колесиках. Но потом наши родители узнали про эти вылазки и строго-настрого запретили, сказав, что дом сильно обветшал и может обрушиться в любой момент. С тех пор год за годом дача старела и старела...

Но теперь она вовсе не выглядела такой ветхой, как раньше, — чьи-то руки поработали над ней: подновили столбики и ступени крыльца, поставили новые двери и ставни, застеклили веранду, и даже облезлая крыша была заново покрашена и, видно, тоже починена.

— Вот тебе раз... Значит, кто-то купил дачу и собирается в ней жить, — сделал глубокий вывод Марат.

— Ладно, бежим пока на теннисную площадку, а вечером придем и посмотрим, кто вселился.

Но вечером мы не успели навестить Черную Дачу — засиделись у Марата. Он привез с собой из города новые записи, и мы слушали их, пока основательно не стемнело, а потом я побежала домой: мама, должно быть, уже извелась. Ведь ушла-то я рано утром!

## 2

От мамы мне крепко досталось — и за то, что поздно пришла, и за то, что не обедала. Но мне все-таки удалось объяснить ей, что мы на даче и я стосковалась по свежему воздуху и простору.

— Мы же не в городе! — хныкала я. — Это там

ты боялась, что меня собьет машина или кирпич упадет на голову. А тут дачный поселок, и все друг друга знают. Я была у Марата, его мама накормила нас обедом и ужином заодно...

— Ну, во-первых, кирпич на голову может упасть и на даче. И дети в дачной местности пропадают так же часто, как и в городе. А потом, я хочу, чтобы ты поняла — я ругаю тебя не за то, что пропадала от зари и до зари, а за то, что не предупредила меня и не сказала, куда пойдешь...

Милая мама! Ну, как она не понимает, что я сама толком не знала, куда пойду и что буду делать, когда выбегала из дому? Как я могу предусмотреть свой маршрут? Но этого я говорить не стала, упросила ее только, чтобы она ничего не говорила папе. Он, кстати, вернулся еще позже меня. Уже лежа в постели, я услышала, как к дому подъехала машина, потом услышала веселый лай под окном и едва не выпрыгнула из постели. Ну, конечно, папа привез Волка! Это наша лайка, наш замечательный пес. У него есть только один недостаток — его укачивает в машине и начинает жутко тошнить. Поэтому мы не смогли взять его с собой, когда ехали все вместе, да еще с вещами. Я полежала еще несколько минут, а потом услышала, что Волк несется по лестнице, прыгая через три ступеньки. Я даже удивилась: неужели он запомнил с прошлого года, где моя спальня?

Волк толкнул дверь, бросился к моей кровати и, радостно повизгивая, стал тыкаться мокрым носом мне в ладонь.

— Волк, ах ты, Волк, моя славная псина, — бормотала я и трепала его за ухом.

Волк закрывал от счастья глаза и улыбался во всю пасть. Он еще маленький, наш Волк, хотя по росту этого не скажешь. Иногда создается впечатление, что он еще не научился толком обращаться со своим организмом: путается в слишком длинных лапах, обо все задевает хвостом, а когда начинает играть, так тут только убирай хрупкие предметы! Но он все же очень славный пес и безумно меня любит. Вот и сейчас — поздоровавшись, улегся на коврик рядом с кроватью, и стало ясно, что никакая сила в мире не сдвинет его с места.

На лестнице слышались шаги: это папа шел за собакой.

— Лена, ты спишь? — спросил он тихонько. — Волк, конечно, у тебя?

— Не уводи его, пожалуйста, — попросила я. — Он так по мне соскучился...

— Вообще-то мы думали, что на даче собака будет жить в будке, — засомневался папа.

Но я уже знала, что он нам не откажет. На всякий случай мы с Волком соорудили умоляющие физиономии, и добрый папа растаял.

— Ну ладно, спокойной ночи. Ведите себя тихо.

И ушел, осторожно прикрыв за собой дверь, а мы скоро заснули.

Утром, позавтракав и выслушав очередную мамину нотацию, мы с Волком направились к Марату знакомиться с его Джерри. Джерри — кокер-спаниель, толстый и хулиганистый. Марат в нем души не чает.

— Вряд ли Джерри согласится с тобой играть, — поделилась я с Волком. — Он уже почти что старенький, ему неинтересно.

Но зря я так думала — Джерри, очевидно, собирался до глубокой старости оставаться игривым щенком. Увидев Волка, он галопом кинулся к нему навстречу — только ветер развеивал уши. Они начали играть, а мы с Маратом сели на крылечко и наблюдали за ними.

— Куда сегодня пойдем? — спросил Марат лениво. Утро выдалось жутко жаркое, воздух струился.

Я решила сегодня же рассказать Марату про свой страшный секрет — про колдовскую книгу. Но сейчас он, похоже, был не в том настроении, чтобы слушать такие вещи.

— Пойдем попозже к озеру, — предложила я. — Может, искупаемся, если будет так же жарко?

— Вода еще не прогрелась, — лениво заметил Марат.

— Неженка.

Так мы сидели, пока собаки не утомонились и солнце не встало высоко над дачами. Мы взяли пакет сока из холодильника и пошли на озеро: Марат все-таки раскачался на купание.

Когда-то, говорят, озеро было очень красивым и чистым. Но теперь засорились протоки, питавшие его свежей водой, и озеро стало потихоньку превращаться в пруд. Но купаться в нем приятно — вода прогревается быстро, и рыбы навалом.

— Лучше бы удочки с собой захватили, — заявил Марат, улегшись на зеленую травку на берегу.

— Успеется, — махнула я рукой и стянула сарафан. Купальник я надела с утра.

Песок уже нагрелся, но вода, которую я осторожно попробовала кончиками пальцев, была не сказать чтобы очень теплая. Ну да надо ведь кому-



то открывать сезон! От мамы влетит, если она узнает, но ей-то необязательно обо всем докладывать, верно ведь? И я приготовилась зайти в воду, как вдруг...

Волк, улегшийся на песочек, вдруг вскочил, поднял морду кверху и завыл. Это был невыносимый, душераздирающий вой, от которого кровь застыла в жилах. Я никогда не слышала, как в зимнем лесу воют волки, но, наверное, в их песне звучит такая же обреченная тоска...

Глядя на Волка, завыл и Джерри. Марат даже подскочил на месте, услышав его голос.

— Джерри, ты что? Он у нас никогда такого не делал, — пояснил он, повернувшись ко мне.

— Да и у нас Волк не каждый день воет, — сказала я.

Псы тем временем заливались на два голоса, и от этого становилось все страшнее и страшнее.

— Ну тебя, с твоим купанием, — пробормотал Марат и вскочил.

Да я и сама, честно говоря, не хотела больше освежаться, да и жарко мне больше не было, наоборот — по спине пробежал ручеек ледяного пота, а на руках появилась гусиная кожа.

Марат позвал Джерри, я — Волка, и собаки послушно подошли к нам. Оба пса как-то нервно косились на озеро...

— Как ты думаешь, в чем дело? — каким-то задушенным шепотом спросил Марат.

— Не знаю... Может, там кто-нибудь утонул? — предположила я, и от этой мысли мне стало совсем уж не по себе.

— Пошли, — решительно сказал Марат, и мы

пошли обратно в сторону поселка, собаки бежали впереди нас и постоянно оглядывались.

Настроение было испорчено. Нам, разумеется, стало не до игр: мы снова уселись на крылечке Маратовой дачи и стали обсуждать произошедшее.

— Может, там какое-нибудь таинственное животное типа лох-несского чудовища? — предположила я.

— Да ну, ерунда, — ответил Марат.

Он, не в пример мне, уже пришел в себя и теперь копался в своем плеере, по-моему, старательно его доламывая.

— Скорее всего, в первый раз ты была права: там и правда кто-нибудь утонул, а собаки почувствовали утопленника и затосковали. Я знаю, такое бывает, они покойников чувят.

— Б-р-р! — передернулась я. — Но если кто-нибудь утонул, мы бы уже непременно об этом знали. Родители стали бы нас гонять от озера, пугать мертвецом...

— Может, это бомж какой-нибудь, про которого никто не знает и не собирается его искать, — равнодушно заметил Марат. Иногда он, что и говорить, производит на меня впечатление совершенного дуба. — Или он только что утонул, никто не спохватился...

— Скажем взрослым? — предложила я.

— Давай, — вздохнул Марат. — Только после этого они начнут гонять нас от озера, как ты и сказала...

— Ну, знаешь, если собаки все время будут так выть, я и сама в эту грязную лужу ногой не ступлю.

— Как знаешь...

И мы решили вечером рассказать все родите-

лям, а пока сходить и посмотреть, не приехала ли Светка.

Она приехала. До смерти обрадовалась, увидев нас, и кинулась навстречу. Она выглядела совсем как взрослая девушка, и я немного ей позавидовала — мне до сих пор не удастся смотреться постарше. Иногда только, когда слежу за собой, я могу произвести впечатление самостоятельного человека, но очень скоро забываюсь и снова начинаю скакать и бегать. А Светка такая томная, спокойная... Сидела на веранде в кресле-качалке с журналом «Космополитен» в руках, на ней был пышный цветастый халат, а на столике стоял высокий стакан с соком, из которого торчала соломинка. Как на картинке из того же «Космополитена» или «Бурды»!

Правда, обрадовавшись нам, она растеряла всю свою томность и начала захлеб рассказывать о том, какие у нее новые игрушки на компьютере. Компьютер они в это лето на дачу не привезли, отец не согласился, поэтому мы сели на веранде и начали болтать о чем попало.

— Кстати, у вас появились соседи? — спросила я, кивнув в сторону Черного Дома.

Светка скроила таинственную физиономию.

— Мужик какой-то. Отец говорит, он эту дачу еще зимой купил, подновил и живет здесь постоянно. Станный какой-то тип, прямо человек-невидимка — совсем никуда не показывается. Ему все время на машине привозят еду и какие-то ящики. Правда, отец к нему ходил, когда мы переехали, что-то ему там понадобилось — топор, что ли... Так он вышел, они поговорили, топор ему дал. Отец говорит, он вроде ученый какой-то...

— Может, он правда человек-невидимка? — прошептал Марат и подмигнул мне.

— Скажи уж, Фредди Крюгер, — фыркнула я, и мы перешли на другую тему.

К вечеру разразилась гроза, чего и следовало ожидать при такой жаркой погоде. Я едва пробежала домой, но все же вымокла до последней ниточки. Дома же над моей головой разразилась еще одна гроза: маме, разумеется, не понравилось, что я пришла вымокшая. Как лето начинается — что ни день, то взбучка!

Но на этот раз мне удалось прекратить нотацию рассказом о странном поведении псов на озере. Мама, как обычно, сразу разволновалась, и я даже пожалела, что начала этот разговор.

— Ни в коем случае не подходи больше к этой помойной яме, слышишь? Я всегда знала, что место это нехорошее...

— Брось, Татьяна, — произнес папа, отрываясь от просмотра очередного боевика. — Завтра у меня выходной, я соберу мужиков, мы все вместе пошарим в озере и выясним, что там такое.

Мне вдруг стало страшно. Сначала я сама не поняла причины этого страха, но вдруг словно дверца открылась в памяти, и я на цыпочках удалилась к себе в спальню, воспользовавшись тем, что родители начали говорить между собой.

Книга лежала в нижнем ящике стола, я вытащила ее и принялась листать. Это было где-то здесь, я точно помню! Вот.

«Дух, обитающий в водоемах, заводится там от душ утопленных и мается, не получив погребе-

ния достойного... Утопленной девы дух собой прекрасен, в образе девы прекрасной с длинными волосами, со смехом прельстительным. Но еще повернется дева спиною к глядящему — узрит тот гниющее и смердящее нутро ее, словно была бы она прозрачна. Ночному путнику плачет и жалуется дева на житье свое подлое, но хоть жалость вызывает великую — нельзя ей отвечать, чтобы не утащила она за собой на дно речное. Собаки же издалека чуют присутствие духа и мечутся, и воют, упреждая хозяина об опасности...»

Мне стало страшно. Про дух мужчины, который мог утонуть в реке, почему-то ничего сказано не было — то ли они спокойно себе лежат на дне, то ли раньше, когда эта книга писалась, тоннули только девушки, как Катерина из той пьесы, что мы в этом году проходили...

Господи, и зачем я рассказала про это папе? Вот пойдут они с мужиками рыться в этой помойной яме, как изящно выразилась мама, и ничего не найдут, да еще и сами нарвутся на неприятности. Потому что если это дух, то найти его и похоронить уже нельзя: тело-то тю-тю уже!

От всех этих размышлений меня по-настоящему затошнило. Одно дело — видеть всякую гадость в фильмах ужасов, когда знаешь, что это не труп вовсе, а просто кукла, залитая красной краской и разрисованная пятнами. А другое — когда все это рядом с тобой!

Я спустилась на кухню, налила себе стакан томатного сока и села за стол. Папа с мамой еще не легли — я слышала негромкий разговор в спальне. Мне показалось, что прозвучало мое имя,

и тогда я на цыпочках прокралась к дверям их спальни.

Я знаю, что подслушивать нехорошо. Но, в конце концов, речь же идет обо мне, и я не виновата, что папа с мамой до сих пор считают меня маленькой девочкой и боятся в моем присутствии говорить о многих вещах, предпочитая мои же проблемы обсуждать без меня!

— Ты расстроилась? — допрашивал папа маму. — Не принимай близко к сердцу. Просто Ленка в таком возрасте...

— Возраст тут ни при чем, — серьезно ответила мама. — Просто мне кажется, у нее странные увлечения.

— Господи, да какие увлечения могут быть у тринадцатилетней девочки? Поп-звезды, киноартисты... Вчера — «Ногу свело», сегодня — «Руку отдавило»...

Я чуть не прыснула от смеха, но сдержалась.

— Да нет, ты не понимаешь, Алеша! Она меня действительно тревожит. Эта ее странная книга, с которой она носит как с писаной торбой. Мистические романчики, а как-то я у нее в комнате черные свечи нашла. Для чего, спрашивается? Вот свяжется она с этими, как их... С сатанистами!

— Это которые черных кошек распинают? Не думаю. Елена умная и добрая девочка, она не станет мучить животных. А о какой книге речь?

Действительно, откуда мама узнала про книгу? Не в ее обычае лазить по моим вещам... Но, оказывается, я была не права.

— Ах, ну ты же вечно на работе, ты никогда не знаешь, что происходит дома! Просто мне как-то понадобилась бумага, и я полезла в Ленкин стол

и нашла ее там. Жуть какая-то, сплошные мистические бредни...

Папа рассмеялся.

— По-моему, ты все преувеличиваешь, как всегда. Ничего страшного не происходит. Девочка увлеклась, это так понятно в ее возрасте... Насмотрелась всякой фантастики — и вот результат.

— Да, но я боюсь, не отразилось бы это на ее психике!

— В ее возрасте, моя дорогая, психика еще очень мобильна...

Папу понесло в дебри философии, и я тихонько отошла от двери и побежала к себе в комнату. Вот тебе раз! Значит, родители прекрасно знают о моей книге! Было обидно. Мама сказала неправду: чтобы найти бумагу в моем столе, совершенно необязательно перерывать все ящики: бумага лежит в самом верхнем, на виду. А вот книга, наоборот, в нижнем, под кипой старых тетрадей...

Я знала, что многие родители читают письма и дневники своих детей, роются в их вещах. Но почему-то считала, что мои такого себе не позволяют, тем более что они сами не раз подчеркивали, что я имею право на личную жизнь. И вот, пожалуйста! Правда, я и сама не лучше — подслушала вот их разговор... Так ведь я маленькая, а они большие и должны быть честными!

### 3

Лучше бы я не думала обо всем этом. Легла в постель, но сон не шел, и обида становилась все горше и горше. Как мама могла? Взять бы вот

и уйти из дома. Пусть бы тогда побегали. Или умереть, чтобы они пожалели, что загубили меня в лучшие годы... У меня по лицу потекли слезы, когда я представила себя мертвую, в гробу, всю в белых цветах, и рыдающую маму надо мной. Нет, пожалуй, умирать все-таки не стоит...

Ну тогда я сбегу из дома. Раз они так со мной обращаются. Да, но куда же я денусь? Можно взять деньги, которые я откладывала на плеер, и уехать к бабушке в Питер. Стану там жить, учиться, потом, когда выучусь, поступлю в институт и через некоторое время стану знаменитым адвокатом. У меня будут брать интервью журналисты, спрашивать, как я достигла такого... А я отвечу, что мне никто не помогал, что я в тринадцать лет ушла из дома, потому что родители отказывали мне в праве на личную жизнь... Может быть, я когда-нибудь потом к ним и вернусь, если они извинятся, конечно!

Я лежала и думала, наверное, очень долго, потому что отлежала руку. Повернулась на спину и вздрогнула: что-то промелькнуло по подоконнику, какая-то тень... И вдруг повеяло неприятным, сладковатым запахом — так пахнут водоросли, гниющие на берегу. Что это?

Белая занавеска качнулась и вдруг отлетела в сторону, словно отброшенная резким порывом ветра. На подоконнике стояло чудовище. Это была женщина, вернее, девочка примерно моих лет. Но, Боже, как она была ужасна! Длинные зеленые волосы обрамляли бледное лицо, все испещренное какими-то жуткими синими пятнами, оскаленный рот был лишен губ, а зубы казались



острыми и мелкими и росли в два ряда. Такие зубы я видела у щуки. Глаза были белые, как будто без зрачков, словно чудовище закатило их под лоб.

Я хотела вскочить, хотела закричать, но тело было словно ватным и не слушалось меня, а горло не могло издать ни звука.

«Как рыба», — промелькнуло у меня в голове, и существо, словно услышав мои мысли, покачало головой. Лицо ее исказилось, как исказилось бы у человека, который собирается заплакать, и она шагнула с подоконника. Отвратительный запах водорослей усилился, и к нему примешался еще какой-то запашок. Так пахнет на рынке в мясных рядах.

Ужас сковал меня.

«Не подходи ко мне», — попросила я, но изо рта вырвался только свист.

Существо приближалось, и я все четче видела ужасное лицо моей ночной гостьи. Она протягивала ко мне руки, длинные пальцы были скрючены и лишены ногтей... Еще немного, и они сомкнутся у меня на горле...

При этой мысли мне наконец-то удалось закричать.

— Лена, Лена, проснись!

Моя ночная рубашка была мокрой, волосы слиплись от пота, сердце колотилось так, что казалось, вот-вот выпрыгнет из груди. А над моей постелью склонилась мама. Лицо у нее было встревоженное.

— Что с тобой, Лена? Ты так ужасно кричала...

— Мне приснился страшный сон, — сказала я и сама не слышала своего голоса.

— Боже мой, ты же вся в поту! Давай, смени ночную рубашку и вытрись хорошенько.

Мама помогла мне переодеться, вытерла с головы до ног полотенцем. Я вся дрожала. Неужели это был всего лишь сон? Да, конечно. Но какой яркий и правдоподобный!

— Вот к чему приводят твои дурацкие фантазии, — бормотала мама, накрывая меня одеялом. — Спи спокойно, моя хорошая, пусть тебе больше не снятся кошмары.

— Мне страшно, — пожаловалась я. Я понимала, что веду себя как маленькая, но ничего не могла поделать — мне действительно было не по себе.

— Ну хочешь, я останусь с тобой? Только у тебя постель очень узкая, нам будет неудобно...

Я готова была согласиться, но тут меня осенило.

— Спасибо, мамочка, но лучше позови ко мне Волка...

В другое время мама бы не разрешила: Волк сегодня вечером поселился в своей будке на лужайке и мог уже успеть нахвататься блох от окрестных дворняг, ходивших к нему в гости. Но теперь она и сама была напугана моими воплями и согласилась.

Волк прибежал сразу же, как его позвали, и словно понял, что он должен делать: улегся на коврик рядом с постелью, лизнул меня в ладонь и соорудил важную морду: мол, не бойся, хозяйка, я на страже.

Мама выключила свет и вышла. Я не думала, что смогу заснуть после такого кошмара, но заснула, как только опустила голову на подушку.

Утро было погожим, вечерний дождь словно вымыл все с мылом — так блестели листья на де-

ревьях, таким ярко-голубым было небо и ослепительно блестело нежаркое еще солнышко. Меня разбудил Волк — зашебуршился возле двери, просился на улицу. Я открыла глаза, встала, выпустила его, и он понесся вниз по лестнице, радостно повизгивая. А я сладко потянулась, подошла к окну и откинула занавеску.

Колени у меня подогнулись, во рту сразу же пересохло, а на лбу выступил холодный пот. На белом-белом блестящем подоконнике лежал спутанный клубок зелено-бурых водорослей.

Я кинулась прочь из комнаты. Хорошо еще, что у меня хватило ума не орать при этом во всю глотку, иначе непременно услышала бы мама, и мне пришлось бы выслушать новые нотации по поводу своих дурацких фантазий...

«Надо взять себя в руки, — убеждала я себя. — Не могу же я в самом деле провести всю жизнь в четырех стенах с закрытыми окнами? Да и не самое надежное здесь место. Надо рассказать обо всем Марату, а еще лучше — кому-нибудь из взрослых. Но мне было очень страшно: вдруг все сочтут, что я попросту сошла с ума, что у меня шарики за ролики заехали? Поволокут ко врачам или уложат в «дурку»? Все тогда будут смеяться, и в школе уже не покажешься — засмеют, это уж точно...»

Я встала и, едва переставляя ноги, пошла к себе в комнату. Каждый шаг по лестнице давался мне с трудом. Еще пять шагов до подоконника... сквозь тонкую занавеску виднеется что-то темное, жуткое... С колотящимся сердцем я отдернула ее.

На подоконнике лежал спутанный комок зеленых ниток от моего старого свитера. Еще в го-

роде мама начала распускать его, собираясь связать мне безрукавку. Очевидно, продолжила здесь и забыла нитки в моей комнате.

Я села на кровать и расхохоталась. Это надо же, так перепугать саму себя! Скоро своей тени начну бояться.

— Елена, над чем ты там смеешься в одиночестве? — донесся из кухни папин голос.

Я вприпрыжку выскочила из комнаты.

— Да так, папа, вспомнила одну смешную историю...

— Рада, что ты в хорошем настроении, — заметила мама, снимая с плиты чайник. — Ты до смерти перепугала меня ночью своим воплем.

— Да, мне приснился неприятный сон.

— Что конкретно? — поинтересовался папа, отрываясь от журнала.

— Сейчас уже и не помню, — сказала я, наливая себе чаю.

Ясное дело, я солгала. Я прекрасно помнила свой кошмар и намерена была сразу же после завтрака рассказать его Марату, не упоминая, разумеется, о том, как я испугалась груды старой пряжи.

Но вышло так, что я рассказала ему и об этом. Просто очень хотелось с кем-нибудь поделиться. Марат расхохотался, конечно, но смеялся он совсем не обидно, и я тоже рассмеялась вслед за ним.

— Говоришь, твой отец собирался сегодня пошарить в озере? — поинтересовался Марат, отхохотавшись.

Я пожала плечами:

— Сейчас мне уже кажется, что это на фиг не надо.

— Но собаки все-таки были, правда?

Мне не хотелось сейчас об этом думать. Очень не хотелось. Поэтому я ответила:

— Ну, мало ли что им в голову взбредет.

— Не скажи! — Марат вскочил. — Это твоему Волку что угодно в голову прийти может, а мой Джерик умный, взрослый пес. Он так был раз в жизни — когда у нас соседка умерла. С тех пор ни разу не слышал. А тут...

У меня моментально испортилось настроение.

— И что ты предлагаешь делать?

— Ничего, — вздохнул Марат, снова усаживаясь на траву. — Пусть твой отец пошарит в озере. Найдут что-нибудь — так это их дело, не найдут — тоже неплохо.

Но такой поворот событий меня совсем не устраивал.

— А может, мы попробуем сами...

— Что — сами? — удивился Марат.

— Сами попробуем вызвать это существо из озера?

— Ну, ты даешь, подруга! Только что тряслась от страха, зубами шесть на девять умножала. А теперь уже готова входить в контакт со всякой нечистью, которой, может, и нет вовсе!

Я вздохнула. Честно говоря, я и сама не понимала, с чего так расхрабрилась. Но идти на пятую было уже поздно. Не хватало еще, чтобы Марат считал меня трусихой!

— Да, я немного испугалась. Но кошмаров боятся и вполне взрослые, храбрые люди. Мы действительно можем попробовать войти, как ты сказал, в контакт с этим существом...

Марат только головой покрутил.

— Если ты такая безумно храбрая, то я согласен.

Уф, хорошо, что он не отказался! Иначе пришлось бы самой заниматься этим, чтобы доказать, что я не боюсь. А я смертельно боюсь вообще идти на озеро, да и производить всякие действия...

— Слушай, Ленка, а ты знаешь, как это делать? — голос Марата стал заискивающим.

— Что?

— Ну, как вызвать это чудище из озера? Или просто прийти ночью, сесть и ждать, когда оно вылезет оттуда?

— Нет, зачем же. Я тебе уже говорила, да ты, как всегда, все мимо ушей пропустил. У меня есть такая книга...

И я подробно рассказала Марату про то, что было написано в книге про водных чудовищ, и про то, как можно их вызвать, если кто отважится.

— Ну что ж, можно попробовать, — сказал Марат и поежился. — Только давай сделаем это после того, как твой отец там пошарит, ладно?

— Само собой. Да вон он, уже собрался...

Для «подводной охоты» папа вооружился основательно, что и говорить. Выволок надувную лодку, накачал ее, напялил на себя бахилы и взял огромную сеть. Теперь он суется возле нашего сарая с дядей Женей и дядей Володей — нашими соседями. Те тоже были вооружены до зубов: у дяди Жени было даже ружье для подводной охоты.

«Нет, если там и водится что-нибудь, нам его не видать как своих ушей: они его точно отловят!» — подумала я.

— Слушай, а мы-то что тут сидеть будем? — Марат снова подпрыгнул, как заведенный. — Побежали за ними, посмотрим!

И мы побежали. Мне не хотелось, чтобы меня видел папа: он тут же начнет подшучивать надо мной, а я этого не люблю, особенно при посторонних людях.

— Только спрячемся, ладно? — на бегу сказала я Марату.

— Само собой! — важно кивнул он. — Так даже интересней будет!

Озеро по берегам все заросло ивами, и мы удачно спрятались под сплетенными ветками одной из них. Ветки опускались до самой земли, и нас с Маратом совсем не было видно, а мы могли видеть все. Сначала папа с дядей Володи́й долго ходили по мелководью, размахивая бреднем, и время от времени, когда что-нибудь попадалось, начинали радостно кричать.

— По-моему, они вышли на обычную рыбалку, тебе не кажется? — спросил Марат и как бы случайно придвинулся поближе ко мне.

— Тихо ты! — ответила я ему.

Некоторое время наши славные рыбаки расхаживали по заросшему дну, пока папа не поскользнулся и не ушел под воду с головой. Здесь бережок круто обрывался. Общими усилиями его извлекли на сушу и тогда решили пустить на воду лодку.

Я уже немного заскучала. Лучше было бы попроситься с папой в лодку. Он бы взял меня, только чтобы мама не узнала. Они прочесывали озеро, тыкали длинными шестами в дно, водили

сетью, но ничего интересного так и не нашли. Выловили, правда, огромную щуку, чему я очень обрадовалась, — сегодня на обед будет жареная рыбка, свежая!

Но Марата занимали другие мысли.

— Так они ничего не найдут, — поделился он со мной своими опасениями. — Тут нужна специальная бригада спасателей, чтобы они и в водолазных костюмах были, и с шестами. А это ерунда какая-то.

— Пусть твой отец возьмет выходной и ползает тут, — огрызнулась я. — Может, у него что-то выйдет...

— Да нет, это я так, — умерил пыл Марат.

Через некоторое время рыбаки все же решили отправиться домой. Они выволокли лодку в паре метров от нас, так что мы съежились и прижались к бугристому стволу дерева. Ничего бы нам, конечно, не было, если бы они нас увидели, но так было гораздо таинственней...

— Сейчас подождем, когда они уйдут, и тоже пойдем домой, — шепнул мне Марат, щекотно дохнув в ухо.

Я только кивнула.

Когда взрослые ушли, мы вылезли из нашего убежища. У меня затекли руки и ноги, я начала разминаться на берегу.

Плюх!

Мы с Маратом оглянулись. По поверхности озера расходились огромные круги, словно туда только что бросили большой-пребольшой камень.

— Рыба, — неуверенно сказала я.

Но Марат схватил меня за руку и указал на одну



из ив, склонившуюся ветвями к самой воде. Ветки ее шевелились, хотя никакого ветра не было.

Будь я одна, я бы пустилась наутек. И Марат, я думаю, сделал бы то же самое. Но сейчас он крепко взял меня за руку, и мы медленно пошли вверх на пригорок. И все время оглядывались. Но гладь озера была совершенно спокойна.

#### 4

Весь день мы, притихшие, просидели в нашей беседке. Моя мама на нас нарадоваться не могла — сидим, играем в «Монополию», никуда не бегаем, никого не трогаем... Даже принесла нам в беседку обед — по куску той самой шуки в аппетитной подливке, но мы к ней даже не притронулись. Страшно было подумать, что эта рыба жила в том же самом озере, в котором... Нет, лучше не думать об этом.

— Вы, случайно, не заболели? — Маму удивило отсутствие у нас аппетита, обычно на свежем воздухе мы лопаем, как волки.

— Нет, — вяло промямлили мы.

— Тогда принесу вам сок и печенья, хорошо?

То, что мы подъели печенья до последней крошки, порадовало маму, и она со спокойной душой отпустила нас к Светке, хотя уже смеркалось.

— Куда вы пропали, ребята?! — капризным голосочком обиженной принцессы спросила Светка, как только нас увидела. — Ни в теннис не с кем поиграть, ни искупаться сходить...

От слова «искупаться» мы вздрогнули оба.

— Вы чего это? — встревожилась Светка, глядя на нас. — Какие-то вы странные сегодня...

Наверное, мы и вправду выглядели странно, потому что когда же такое было, чтобы Светка обратила внимание на что-то еще, кроме самой себя, драгоценной!

Мы сели на веранде, Светка притащила магнитофон и стала показывать нам новые кассеты, но мы ни на что реагировать не могли.

— Давай ей скажем? — шепнула я Марату, когда Светка убежала в дом: ее позвала зачем-то мать.

Но Марат покачал головой.

— Всем растреплет. Она же болтушка и трусиха в придачу. Нет, пока не надо...

— А если она пойдет купаться, а чудовище схватит ее?

Марат покосился на меня, и было видно — он испугался.

— Все-таки пока не надо, — сказал он, помолчав немного. — Никого вроде бы до сих пор не схватило, а уже много народу купается. Да и сегодня вот твой отец там лазил — тоже ничего страшного не произошло. А так она запаникует. Да и потом она все равно без нас купаться не пойдет, потому что больше никто из детей еще не приехал.

— Тихо, вот она идет, — прервала я его, и Марат замолчал.

Светка, кажется, заметила, что мы так резко замолчали при ее появлении, и вообразила себе невесть что. Поэтому в конце вечера она совсем заскучала, цедила слова сквозь зубы и всем своим видом показывала, как мы ей надоели. И мы с Ма-

ратом засобирались по домам. Светка нас не удерживала.

Уже совсем стемнело, когда мы вышли из калитки. Дошли уже до Черной Дачи, как вдруг Марат резко затормозил и хлопнул себя ладонью по лбу:

— Ах, дурак я, дурак! Хотел же взять у Светки альбом «Скутера» и забыл!

— Пошли, пошли, завтра возьмешь, — потянула я его, но куда там! Если Марату что-то в голову взбредет — все пропало.

С криком «я сейчас» он ринулся обратно по темной улице, а я осталась одна. Привалилась к забору и стала ждать — мама взяла с меня обещание, что Марат непременно доведет меня до дому. Хотя, казалось бы, какая из него защита, пусть он даже и плечистый, и занимается восточными единоборствами? Но маме так спокойней, я это понимала и не возражала.

Минут пять уже прошло, а Марат так и не показывался. Подул ветер, и мне стало зябко: я с утра надела сарафанчик на бретельках, и он явно не подходил к этой погоде. К тому же за забором жалобно заскулила собака...

— Куть-куть! — позвала я и посвистела.

Собака замолчала, потом заскулила еще громче. Я вспомнила, что стою у забора Черной Дачи. Значит, ее хозяин завел себе собаку и она чувствует теперь себя не особенно счастливой... Может, ее забыли покормить, или налить воды, или ей просто надоело сидеть на привязи и она хочет погулять? Я попыталась сквозь щель в заборе рассмотреть бедного пса и, может быть, как-нибудь уте-

шить его и тут, к своему удивлению, заметила, что забор у Черной Дачи тоже новый. Да еще такой, какого сроду не было в нашем поселке: из бетонных блоков, высоких — в два человеческих роста, и еще поверху натянут колючей проволокой! Но ведь совсем недавно этого забора не было. Когда мы первый раз сидели у Светки на веранде, то видели сквозь деревья и сетку-рабицу, и сам дом...

Значит, забор поставили за одну ночь? Кошмар какой-то!

Марат все не шел, и я рассердилась. Не может он так долго выпрашивать кассету у Светки, он — гордый! Значит, они просто мило болтают, совершенно забыв о том, что я, как последняя идиотка, мерзну на темной улице.

Окончательно расстроившись из-за такого предательства, я круто развернулась и пошла домой. Мама уже забыла, наверное, о моем обещании насчет Марата и ни о чем не спросила. Накормила меня ужином, поцеловала в лоб, и мы сели смотреть новые фильмы, которые вчера привез из города папа.

— Что ты хочешь сначала — «Мумию» или «Спасение рядового Райана»? — спросила мама, держа в руках новенькие глянцевые кассеты.

— Нет, пожалуй, «Мумию» не хочу, — ответила я, стараясь улыбнуться. — Я видела в рекламе отрывки, он очень страшный. А мне и так снятся кошмары.

— Моя дочь — само благоразумие, — рассмеялась мама, и мы сели смотреть «Спасение».

Ночью я спала крепко, без снов. Правда, рядом со мной был Волк — он сам, как только я улеглась в постель, пришел и завалился на свой коврик.

Проснулась я не в лучшем настроении, и даже солнечное утро не обрадовало меня. «Не с той ноги встала», — говорит мой папа про такое состояние, и я помню, когда была совсем маленькой, все время думала, с какой ноги надо вставать и как не ошибиться?

Но сейчас уже поздно было размышлять над этим, потому что я уже встала не с той ноги и исправить это было невозможно. Нехотя я спустилась к завтраку и обнаружила на кухонном столе записку.

«Елена! Я с отцом уехала в город за покупками. Буду около трех часов дня. Веди себя хорошо, далеко не убегай и постарайся вернуться домой к обеду. Будет кое-что вкусное, можешь пригласить Марата. Целую. Мама».

Я усмехнулась. Марата! Знала бы она, как подло он меня вчера кинул одну-одинешеньку, хотя обещал проводить до дома! И все это ради ломачки Светки, которая только выглядит взрослой девицей, а мозгов у нее в голове меньше, чем у пятилетней малышки!

Аппетита у меня не было никакого, тем более что холодильник оказался практически пуст. Иначе мама бы не уехала за продуктами. Можно было бы поджарить себе яичницу, но я заленилась, сунула в тостер пару кусочков хлеба и сварила кофе. Будь дома мама, она запретила бы мне варить такой крепкий, сказала бы, что это вредно для детского организма. Нет, все-таки одиночество имеет свою прелесть!

Я позавтракала и стала раздумывать, чем бы себя занять, пока дома никого нет. О! Папа же привез еще какие-то кассеты, только мне их не

показали. Это, скорее всего, «детям до шестнадцати», и мои наивные родители от меня их спрятали. Может, пока все ушли...

Сказано — сделано! Мамочка думала, что кассеты спрятала надежно, но я-то их сразу нашла — на полке со старыми журналами. Это были «Страх и ненависть в Лас-Вегасе» — про наркоманов, как я поняла, а другой про любовь — «Мулатка и парусник». Этот я взяла посмотреть. Зря мама с папой его прятали, надо сказать, там только на обложке была нарисована Мулатка почти без ничего, а в фильме ничего «такого» не было. Только фильм был грустный, и к тому моменту, как прекрасная мулатка прощается со своим возлюбленным навеки, я уже всю хлюпала носом. Фильм на редкость подходил к моему настроению, но, как ни странно, после него я повеселела. У людей вон какие неприятности бывают, они и то ничего, держатся, а я уж и раскисла!

Хватит сидеть дома! Я вынула кассету из магнитофона, сунула ее в футляр и спрятала на прежнее место, стараясь, чтобы все выглядело как раньше. Потом схватила ракетки и побежала на улицу. Давненько мы в теннис не играли!

Стоп! Я же обиделась на Марата, и с кем я буду играть в теннис? Вот черт, как обидно... Придется идти мириться. Некоторое время я крутилась на лужайке рядом с домом, борясь с собой. Но потом решила — была не была! Пойду! Только если он встретит меня недостаточно приветливо — повернусь и уйду, и больше не подойду к нему ни разу за все лето! Скоро приедут ребята, мне будет с кем общаться...

Придя к такому решению, я радостно поскакала к даче Марата, как всегда, выбрав для себя самый короткий путь — через дырку в ограде. Странно, дверь закрыта, обычно она всегда нараспашку. Я постучала раз, два — ни звука. Странно. Может, они все с утра уехали в город? Я уже собиралась уходить, когда услышала шаги и дверь открылась. На пороге стояла Тая, сестра Марата. Она уже взрослая, ей двадцать пять лет. С нами она почти не разговаривает, только подшучивает иногда над нашими вкусами и увлечениями. Но мы не обижаемся — она страшно умная, учится в университете на психолога, все время читает толстые книги и курит длинные сигареты, от которых приятно пахнет.

Но на этот раз она не была расположена со мной шутить и выглядела как-то странно — бледная, кутается в большую вязаную шаль, как будто ей холодно. А день-то жаркий!

— Лена? Здравствуй, — тихо сказала она. — Ах, ты же еще не знаешь, что у нас случилось...

И мне тоже вдруг стало холодно. Я даже сказать ничего не могла, только головой помотала. Она провела меня в комнату, указала на диван, и я села. А она взяла сигарету и стала закуривать. Пальцы у нее были белые-белые и дрожали крупной дрожью.

— А что случилось? — наконец решилась спросить я.

— Маратика укусила собака, — коротко ответила Тая.

Меня охватил озноб.

— Сильно? — спросила я.

— Н-нет... Не знаю пока. Его нашли вчера ночью. Ребята возвращались с прогулки и нашли его недалеко от дома этой вашей подружки, Светы, что ли. Он лежал прямо на тропинке и был без сознания. Они его принесли, и мы вызвали «Скорую». Мама с ним поехала в больницу. Вроде бы сильных укусов нет, но он до сих пор без сознания, и врачи говорят — какой-то шок...

Тая всхлипнула и показала на черную трубку сотового телефона, которая лежала на столике.

— Вот, сижу одна и жду звонка.

Я даже не знала, что сказать, и во рту у меня пересохло. В это время затренькал телефон, и Тая опрометью кинулась к нему.

— Да! — крикнула она в трубку. — Мама? Как Маратик? Да. Да. Понятно. Беспокоится? А температура есть? Понятно. Да, я сейчас выезжаю. Счастливо.

— Ну, как? — спросила я, ерзая от нетерпения.

— Он пришел в себя, ничего страшного нет, как сказали врачи. Собака прокусила ему ногу, рану зашили. Но он очень беспокоен, лихорадочное состояние, жар. Говорят, последствия шока... И надо еще выяснить, чья это была собака и не бешеная ли она. Я сейчас еду к нему.

— Можно, я с тобой?

Я думала, Тая не согласится, но она кивнула головой.

— Только отпросись у родителей. Давай быстрее, я только переоденусь и сейчас же выезжаю.

Я побежала домой. Легко сказать — отпросись, а у кого отпросишься, когда никого нет? Но я нашла выход: написала маме записку, что Марат в больни-



це и я с Таей поехала его навестить на их машине и чтобы она не волновалась. Быстро надела платье и вернулась на Маратову дачу. Тая уже выкатила из гаража свой «опель» и ждала меня, переминаясь с ноги на ногу. Молча усадила меня на переднее сиденье, накинула на меня ремень, и мы понеслись.

Всю дорогу Тая молчала, только спросила, не мешает ли мне сигаретный дым. А мне было приятно, что она молчит, потому что о многом надо было подумать. Хуже всего то, что я чувствовала себя виноватой, за то что с Маратом случилось такое. Ведь не отпусти я его тогда к Светке или пойди вместе с ним — ничего такого бы и не произошло... А вдруг собака была бешеная и Марат теперь заболеет и умрет? Наверное, Тая думала о том же, потому что выглядела очень несчастной.

## 5

Марат лежал в постели и выглядел достаточно хорошо — я-то думала, что он будет бледный и истощенный, как раненые бойцы в фильмах. Но он был вполне ничего, только глаза блестели сильнее, чем обычно, и губы были очень сухие, все в каких-то чешуйках. Мне он очень обрадовался, но вел себя и правда как-то странно. Схватил меня за руку, а рука у него горячая ужасно!

— Лена, мне надо с тобой поговорить, — сказал он очень серьезно, я даже испугалась.

— Говори, — сказала я и больше ничего не смогла сказать: у меня в горле стоял какой-то комок и мне было страшно, совсем как после того сна.

— Вы говорите, говорите, детки, я выйду, — вмешалась мама Марата.

Хорошая все-таки тетя Лиза! Поняла, что нам надо поговорить с глазу на глаз.

Но как только она вышла, Марат переменялся, и я поняла, что он притворялся перед мамой, что все хорошо.

— Что с тобой? — спросила я, хотя на самом деле мне вовсе не так сильно хотелось знать, что в действительности с ним произошло. Я боялась.

— Меня искусила собака, но на самом деле это была не собака, — тихо сказал Марат.

— А кто? — спросила я и испугалась, что Марат сошел с ума.

— Я не знаю. Это было что-то похожее на собаку, но не собака. Я никому больше не говорил, потому что боялся, что мне не поверят. Но ты мне поверишь, правда?

— Правда, — ответила я. — Рассказывай.

— Это была собака с человеческим лицом. Я разглядел ее хорошо, там фонарь болтался, понимаешь? Так вот, это был очень большой пес, но у него было лицо как у человека. Я шел... — Он замолчал, потом словно проглотил что-то, застрявшее в горле, и продолжал: — Я шел, а он на меня выскочил из зарослей. Это был забор Черной Дачи, но какой-то новый забор. Я его раньше не видел. И вот он выскочил из крапивы, но я не испугался. Собака и собака, подумаешь. Даже поднял камень с земли, чтобы отогнать. Я не боюсь собак. И тут его осветил фонарь, и я увидел совсем человеческое лицо, только заросшее шерстью и очень злое. И тогда он бросился на меня и укусил. Дальше я ничего не помню.

— Ты испугался. Тебе могло что-то такое показаться... — раздался голос за моей спиной. Оказывается, Тая неслышно вошла и, наверное, слышала все последние слова Марата.

— Нет, мне это не показалось! — горячо возразил Марат. — И я именно его и испугался, потому что не испугался бы собаки, пусть она была какая угодно страшная! Зачем ты подслушиваешь?

— Я не подслушиваю, — возразила Тая. — Я просто зашла случайно и слышала ваш разговор. А зашла я потому, что пришел хозяин собаки. Он хочет тебя увидеть.

Мы замерли. Тая отступила, и мы увидели, что на пороге палаты стоит человек. Ему было лет, наверное, сорок, а может, и больше. Мне он не очень понравился — у него были ледяные голубые глаза за стеклами очков, и смотрел он так, словно все про тебя уже знает и ему совсем не интересно.

— Здравствуйте, — сказал он только Марату, а на меня и внимания не обратил, словно я была стул или тумбочка.

Марат промолчал, не ответил на приветствие и смотрел на гостя во все глаза.

— К величайшему прискорбию, я узнал, что вас покусала моя собака, — сказал гость. — Я сразу же приехал сюда. Собака была привита от бешенства, я показал все справки вашей матушке. Саму собаку я пристрелил, так что вас больше ничего не должно беспокоить. Я помогу в вашем лечении, и если у вас есть какие-то желания, вы можете сообщить их мне, я по мере сил их исполню.

Марат молчал. Он явно растерялся, но потом собрался и ответил, как взрослый, важно:

— Благодарю вас, я пока ни в чем не нуждаюсь. Напрасно вы так поступили с собакой, мне ее жаль.

— Она могла быть опасна, — с поклоном ответил человек.

— А как вас зовут и кто вы? — встряла в разговор я. Знала, что не стоит вмешиваться, но не могла утерпеть.

— Меня зовут Георгий Владимирович Вильбер. Доктор Вильбер. Я недавно купил дачу в вашем поселке, — ответил он.

Сомнений быть не могло: перед нами стоял хозяин Черной Дачи!

Он улыбнулся нам и вышел, а мы смотрели на закрытую дверь, как идиоты.

— Станный он какой-то, — осторожно заметила я, посмотрев на Марата.

— Да... — Марат откинулся на подушку, и мне не понравилось, как он выглядит. Тут и мама его вошла, посмотрела на сына, ахнула, всплеснула руками... Потом стали приходить врачи, и я поняла, что мне пора домой.

Тая курила у окна в коридоре.

— Все уже? — спросила она, увидев меня. — Поговорили? Ну, и хорошо.

Я заметила, что она плакала: на напудренном лице видны были дорожки от слез.

— Пойдем, я отвезу тебя на дачу, — сказала она и направилась к выходу, я последовала за ней.

Мне удалось вернуться домой до того, как приехала мама, и она даже не догадалась бы, что я куда-то ездила. Но я ей сама сказала. Мама, как я и ожидала, пришла в ужас, заявила, что до кон-

ца лета она не выпустит меня из сада, что никуда я не буду ходить без взрослых и все в этом роде.

— Собаку же застрелили, — заметила я, наклоняясь к тарелке.

— Это роли не играет! — продолжала бушевать паникерша-мама. — Не эта, так еще одна появится!

— Волков бояться — в лес не ходить, — заметил отец, а Волк, заслышав свое имя, вылез из-под стола и уставился на нас.

Мы рассмеялись, и остаток обеда прошел более-менее прилично, без криков и нравоучений. Я знала, что через некоторое время мама позабудет про свое решение, может быть, даже раньше, чем Марата выпустят из больницы.

Но не это меня волновало больше всего. Из головы не шел доктор Вильбер, хозяин той страшной собаки. Правду ли сказал Марат, что это была вовсе не собака? Как мне хотелось думать, что он просто испугался и представил себе невесть что!

Но я уже знала, что это не так. И вот странно: мне совсем не было страшно. Я просто устала бояться. Наверное, так и случается со всеми героями страшных книг и фильмов: сначала они боятся, как все, а потом переходят какую-то границу, и становятся уже все равно. Остается только интерес.

Лето только началось, а как много всего уже случилось! Но можно ли считать ту нашу историю с водяным чудовищем реальной? Не знаю. Ничего же не было на самом деле — сначала просто завывали собаки, а потом мы услышали, как что-то большое плюхнулось в воду. Но это мог быть какой-нибудь зверь — выдра, например, или бобр. Хотя у нас их сроду не водилось.

Самое главное — мой сон и чудовище, укушившее Марата. Я верю в сны, я знаю, что они имеют связь с реальностью. И все девчонки в нашем классе со мной согласны, у каждой было по нескольку случаев, когда что приснится, то и сбывается. И у меня тоже... Так вот, во сне была полурыба-получеловек. А Марат говорит, что его укусила собака с человеческим лицом.

Не надо иметь высшего образования, чтобы два этих случая связать с Черной Дачей, с доктором Вильбером...

«У вас есть план, мистер Фикс?» — «Есть ли у меня план? Есть ли у меня план? Да, у меня есть план!»

Эти слова я сказала себе, когда уже лежала в постели. Дело ясное — надо тайком наведаться на Черную Дачу и посмотреть, что там творится. Но одной мне туда идти было нельзя. Значит, придется ждать возвращения Марата из больницы. А вдруг он так испугался из-за этой собаки, что откажется со мной идти? Но в это я не верила. Марат не такой. Если уж ему что-нибудь интересно, так он горы свернет и ничего не побоится!

Два дня и две ночи прошли спокойно. Никакие сны меня не пугали, ничего странного я не видела, и собаки с человеческими лицами по поселку не расхаживали. А к вечеру третьего дня приехал Марат. К нам пришла тетя Лиза и сказала, что он меня ждет.

— Только не допоздна, — забеспокоилась моя мама, но тетя Лиза сказала, что они меня проводят всей семьей, да и идти-то тут всего ничего! А Марат очень хочет меня видеть.

И мы пошли. Марат чувствовал себя хорошо, только хромал чуть-чуть.

— Как ты? — спросила я, и он подмигнул мне.

Здорово было видеть его здоровым и веселым.

— Пошли в мою комнату, надо поговорить, — сказал он мне тихонько, когда тетя Лиза накормила нас ужином.

И я пошла за ним. Дачи у нас очень похожие, и комната Марата расположена точно так же, как и моя, но они все же отличаются. Я с удовольствием навожу порядок, а Марат, как видно, этого не любит делать, и все вещи у него раскиданы по стульям, даже на полу валяются. Он присел на кровать, а я в кресло.

— Ну?

— Ты, наверное, думаешь, что я сбрендил, — сразу заявил Марат.

— Ничего я такого не думаю! — махнула я рукой. — Только ты действительно думаешь, что это было на самом деле?

Марат кивнул.

— Еще бы! Увидела бы ты сама это чудище, так на всю жизнь бы заикой осталась. А я, как видишь, еще ничего...

— Знаешь, я тоже перестала почему-то бояться, — поделилась с ним я.

Он только усмехнулся мне в ответ.

— А ты не смейся, — прикрикнула я на него. — Я решила, что мы должны попасть на Черную Дачу и посмотреть, что там творится!

Я ожидала, что Марат переменится в лице и начнет отказываться, но он, похоже, тоже загорелся этой идеей.

— Да ну? Здорово! Только, помнится, кто-то сначала собирался идти на озеро и вызывать оттуда чудище.

— Перед собакой с человеческим лицом озерное чудище побледнело, — рассмеялась я. — Но если ты хочешь, начнем с озера. Только это надо делать быстрее, а то еще пройдет у нас этот приступ храбрости, и ничего мы не сделаем!

— Ну, это у тебя может пройти, — выпятил грудь Марат.

— Ой-ой, а кто в обморок при виде собаки упал? — поддразнила его я. — Ты ходить-то можешь, герой?

— Еще пару дней придется потерпеть, — понурился Марат. — Я-то ничего, могу ходить. Да предки расписухуются, если я куда-нибудь отправлюсь...

— Да, лучше их не волновать, а то совсем в город сошлют, — согласилась я, и мы решили ждать.

За эти два дня наши родители на нас нарадоваться не могли. Мы никуда не ходили, не исчезали на целый день, а тихо-мирно сидели либо у Марата на веранде, либо у нас в беседке, играли в «Монополию», в шахматы и в карты, слушали музыку — в общем, тихо проводили досуг и даже отказывались от совместного с родителями похода на озеро. Кормили нас, как на убой, и вскоре нам такая жизнь смертельно надоела. К тому же никто из наших ровесников пока на дачах не поселился.

Хорошим поведением нам удалось ослабить бдительность родителей — к такому выводу пришел Марат и как-то вечером, когда ему уже пора было идти домой, спросил у меня, подмигнув:



— Ну, мадемуазель, как насчет прогулки под луной сегодня ночью?

Я сразу поняла, о чем он говорит.

— Как? Ночью? А днем что, нельзя?

— Какая ты глупая все-таки! — Марат аж перекопился, словно он кислое яблоко откусил. — Ну как же днем идти? Там все время народу полно. Оно, бедненькое, отсиживается где-нибудь в подводной норе. А может, ты уж и струсила?

— Ничего подобного!

— Тогда жди меня сегодня около полуночи. Я брошу камешек тебе в окно. Только не засни смотри! Жди меня и оденься потеплее.

— Так тепло же!

— Это сейчас тепло, а под утро мы замерзнем. Так что закутайся, чтоб я не слышал твоего нытья!

— Когда это я ныла... — обиделась я. — Ладно, жду ночью.

Марат ушел, а я объявила родителям, что хочу лечь пораньше, и поднялась к себе. Я решила совсем не ложиться, а то, пожалуй, разосплюсь и не услышу Марата. Вытащила из шкафа старые джинсы, свитер, кеды. Подумала и достала из ящика стола свою книгу, аккуратно завернула в целлофановый пакет и положила в сумку. Что бы еще взять?

Когда папа с мамой улеглись, где-то около одиннадцати я прокралась на кухню и отыскала маленький термос. Вскипятила электрический чайник и сделала целый термос растворимого кофе с сахаром, чтобы нам не уснуть и не замерзнуть. Хотела еще нарезать бутербродов, но передумала: мама могла услышать, как я хлопаю двер-

цей холодильника, да и не на Северный полюс мы собираемся, в конце концов!

К полуночи я была уже полностью экипирована. Погасила свет в своей комнате, чтобы видеть, что происходит снаружи, и села на подоконник. Марат появился сразу же, словно ждал, когда я начну его высматривать. Увидел меня, махнул рукой, и я на цыпочках кинулась вниз. Хорошо, что я надела кеды: они здорово смягчают шаги! Немало пришлось повозиться и с дверной щеколдой: она гремит у нас очень громко. Но вот все препятствия преодолены, и мы уже бежим по узким улочкам дачного поселка туда, к озеру.

## 6

Мне совсем не было страшно, наоборот — какая-то щекотная радость пузырилась во мне, как газированная вода. Озеро находилось довольно далеко, но мы примчались туда в мгновение ока. Ночь была чудесная: огромная полная луна, похожая на спелый апельсин, встала над землей, небо было темно-синее и звезд на нем высыпало видимо-невидимо! Воздух еще не успел остыть, так что я пожалела, что надела свитер.

На берегу озера было еще романтичней: лягушки распевали на разные голоса, заливались, как соловьи, и луна отражалась в воде.

— Ну все, пришли. — Марат бросил на траву рюкзак и сел сам.

— Что у тебя в рюкзаке? — спросила я, тоже садясь.

— Бутерброды, — усмехнулся он. — Еще фотоаппарат и плеер. И плед, чтобы не сидеть на траве.

— Ты запасливей меня — у меня только кофе и моя заветная книга.

— Тоже неплохо... И у меня еще кое-что с собой.

— Что именно?

— Газовый баллончик. Взял потихоньку у мамы. Утром положу обратно.

Я пожала плечами.

— Я слышала, газовые баллончики на собак, например, не действуют. Ты думаешь, мы сможем в случае чего отбиться?

— Не знаю. Но с ним как-то надежнее.

— Согласна.

В молчании мы с Маратом расстелили плед, уселись на него. Мы оба не ужинали от волнения и потому за милую душу слопали все его бутерброды и выпили мой кофе.

— Хорошо все-таки, — заявил Марат, растягиваясь на пледе. — Ну, кто из твоих или моих знакомых ходил на такие пикники при луне?

— Никто, — ответила я. — И тем более никто из них не пытался при этом выследить чудовище. Только, я думаю, нам лучше говорить потише, а то и вовсе заткнуться. Мы можем его спугнуть.

— Ты права, — согласился Марат и, вытащив из рюкзака плеер, протянул мне один наушник, — будем слушать музыку.

— Как ты думаешь, — спросила я у него, пока он возился с кассетой, перематывая ее, — не напрасно ли мы отказались от обрядов, описанных в книжке? Ну, чтобы вызвать это существо?

Марат покачал головой.

— Насколько я помню, собака набросилась на меня без соблюдения каких-либо обрядов. Никак я ее не вызывал. И это — если оно есть, конечно, — само вылезет, никуда не денется. Давай слушать музыку. И учти — спать не дам!

Я вставила наушник и приготовилась слушать. Я привыкла к тому, что в музыке у нас с Маратом разные вкусы. Вообще всем мальчишкам нравится что-то такое агрессивное, тяжелое... Так что я приготовила свои бедные ушки, но музыка мне неожиданно понравилась. Она была нежная-нежная, с трелями флейты и скрипки, и она звала, уносила вдаль... Луна в это время спряталась за облако, и только звезды сияли в небе.

— Нравится? — спросил Марат.

— Да, очень, — ответила я.

Марат придвинулся ко мне поближе и вдруг совершенно неожиданно поцеловал меня в щеку. Ну уж, этого я от него совсем не ожидала! Я совсем растерялась и не знала, что делать, но тут мы оба услышали шум. Что-то ломилось прямо по направлению к нам через заросли ивы. Я вскрикнула и прижалась к Марату, а он вытащил из кармана газовый баллончик. На берег выскочила темная тень... Это была собака, и она огромными скачками приближалась к нам.

Я не успела даже ничего понять, как Марат опустил руку с баллончиком и рассмеялся. В это время и луна выглянула из облачка, и я увидела, что по берегу мчится Волк. Бедный мой пес, я про него совсем забыла!

— Пес поумнее нас, — хмыкнул Марат. — Как мы не догадались взять его с собой?

— А что ж ты не взял с собой Джерри?

— Джерри, конечно, очень умный, но он все же комнатная собака. Он бы тут ужасно распсиховался.

Волк тоже вел себя беспокойно: сел рядом со мной, потом вскочил, побегал вокруг нас, снова сел и снова метнулся куда-то в сторону... Я поймала его за ошейник, насильно усадила рядом и сказала:

— Слушай, Волк! Ты должен сидеть спокойно, совершенно спокойно, понимаешь? А то немедленно пойдешь домой!

При слове «домой» Волк наклонил голову и посмотрел на меня, как бы говоря: «Да, да, пойдём домой!»

— Нет, мы будем сидеть здесь. У нас тут дело, понимаешь? Так что ложись рядом и лежи, чтобы я тебя не слышала. Понял?

И Волк, умная собака, послушно улегся рядом со мной.

— Перепугалась? — подколот меня Марат, но мне не хотелось ему отвечать. Он-то вел себя героически, особенно если учесть, что сам недавно потерпел от собаки.

— Ничего подобного, — мрачно ответила я.

— Да ладно...

И мы стали ждать. Волк, успокоившись, задремал или притворился, что задремал.

Время шло. Я лежала и размышляла о поцелуе Марата. Зачем он это сделал? Я знаю, что многие девчонки из нашего класса и из двора целуются с мальчишками и еще кое-что им позволяют. Но это когда между ними любовь. А между нами

с Маратом ничего такого не было — мы просто дружили, да и то летом... Так что же произошло?

У меня перед глазами плыли звезды, и мне казалось, что я качаюсь на какой-то большой лодке прямо в небесах. Музыка кончилась, плеер щелкнул и стало тихо.

— Надо бы кассету перевернуть, — сказала я тихонько, но Марат не шевельнулся. Я услышала его ровное дыхание — он спал!

Я приподнялась на локте, и тут...

Плюх-плюх, шлеп-шлеп, — послышалось мне. Я затаила дыхание и начала трясти Марата за плечо, молясь, чтобы он не заорал спросонья. Но он, наверное, спал не очень крепко — сразу открыл глаза и уставился на меня.

— Слушай, — шепнула я ему.

Плюх-плюх, шлеп-шлеп.

Марат тоже услышал, привстал тихонько и уставился на озеро.

И тут мы увидели. О Боже, мы увидели!

Существо, выходящее из воды, было ни на что не похоже. Оно было примерно нашего роста, но это мы поняли уже потом, а тогда оно показалось нам очень высоким! Не знаю, как у меня хватило сил не завопить, я только изо всех сил вцепилась Марату в плечо, а он в одной руке сжимал газовый баллончик, а другой — лихорадочно искал в рюкзаке фотоаппарат.

В бледном свете луны мы увидели морду существа, или лицо, или, вернее, среднее между мордой и лицом. Оно было плоское, как у рыбы, глаза располагались по бокам, но это были человеческие глаза, насколько я успела понять. И рот тоже был человеческий, только слишком длин-

ный. Шло оно медленно и как-то странно — словно в ступнях у него не было костей, поэтому его ноги мягко подгибались при ходьбе.

«Ласты! Это же ласты!» — поняла я.

Существо остановилось в двадцати шагах от нас. Мы могли видеть, как блестит его кожа в лунном свете — кожа, непокрытая чешуей. Оно издало низкий жалобный стон и невнятное урчание...

Ошиблась я или в нем прозвучали слова? От страха мне что угодно могло показаться... Марату наконец удалось достать фотоаппарат, он вытащил его из рюкзака, открыл объектив...

И тут проснулся Волк. Вовремя, ничего не скажешь! Он не залаял даже, а как-то взвыл, словно ему отдавили лапу, и мощным скачком кинулся к существу. И оно тоже вскрикнуло, с болью, с тоской, и бросилось обратно к озеру.

— Волк, ко мне! — крикнула я.

Но пес не слушался меня. В нем, очевидно, проснулся инстинкт охотника, и он не успокоился до тех пор, пока существо не скрылось в озере...

— Ты успел? — задергала я Марата. — Ты успел его снять?

Даже при свете луны было видно, какой Марат бледный и как дрожат у него губы. Он повернулся ко мне и кивнул.

— Один раз, — наконец выговорил он. — Вот черт, если бы не твоя дурная собака...

— Она нас охраняла, — обиделась я, но спорить не хотелось. Не до этого как-то было.

Волк подошел к нам, и морда у него была довольная. «Лихо я его разогнал, правда?» — словно хотел сказать он. Я обняла его за шею.

— Надо идти домой, — сказал Марат. — Волк напугал его, он больше не выйдет.

Мы молча собрались и стали взбираться на пригорок.

— Что ты думаешь об этом? — спросила я Марата.

— На этот раз нам уж точно ничего не привиделось. И, знаешь, это существо было все же похоже на то, которое набросилось на меня. Только тот был получеловек-полусобака, а этот — получеловек-полурыба...

— И если то животное принадлежало доктору Вильберу...

Мне стало страшно от своей догадки, но Марат, как всегда, оказался храбрее.

— Значит, и это животное тоже принадлежит ему. Только оно от него сбежало. Только оно не такое агрессивное...

— Мне даже показалось, что оно на что-то жаловалось, — сказала я.

— Да, похоже. Если бы Волк его не напугал, нам бы, может, удалось войти с ним в контакт... Теперь-то уж оно наверняка не вылезет. Сегодня же проявлю пленку!

— Уж постарайся.

Все остальное время до дачи мы молчали. Слишком много впечатлений за один вечер, вернее, за одну ночь.

Марат проводил меня до самых дверей.

— Спокойной ночи, — сказал он шепотом.

— И тебе того же, — ответила я, хотя понимала, что заснуть мне вряд ли удастся, да и Марату, наверное, тоже.



Марат ушел, а я вошла в дом. Улыбнулась про себя — вот здорово бы было, если бы кто-нибудь, пока я сидела там на берегу, закрыл бы дверь! Пришлось бы ночевать в беседке, а утром объясняться с мамой и папой...

Тихо-тихо взобралась я по лестнице. Волк шел следом и тоже старался не топотать. Мы оба улеглись — я в постель, а он на свой коврик. Свет я зажигать не стала, а то вдруг проснется кто-нибудь из родителей и увидит...

Я не думала, что смогу заснуть, но заснула очень быстро, и мне даже ничего не приснилось — так я устала.

Яркое солнышко светило в окно, электронные часы на столике показывали половину двенадцатого. Ничего себе я заспалась! Интересно, почему мама не пришла меня будить, как обычно? Может, они опять куда-нибудь уехали? Я включила радио и под веселую музыку быстро оделась. Вышла из комнаты и замерла.

В кухне бушевала расчудеснейшая ссора. Вообще-то мои родители редко ругаются, по пальцам можно пересчитать. Но на этот раз, кажется, все было серьезно. И причиной ссоры была, к моему ужасу, я.

— А тебя вообще ничего не интересует! — выговаривала мама отцу. — Я понимаю, ты работаешь с утра до ночи. Но ведь можно обратить внимание и на родную дочь? Заняться ее воспитанием, в конце концов? У нее такой возраст...

— Ну, какой у нее особенный возраст, — бубнил отец. — Она еще совсем девчонка. Наверняка это была какая-нибудь шалость и ничего больше.

— Ничего больше? Повторяю тебе: она пришла домой в половине четвертого ночи, и ее провожал Марат. Где они были? Чем занимались?

Мне даже смешно стало, хотя положение было самое отчаянное. Значит, мама видела нас из окна спальни, но ничего говорить не стала, подождала утра. Неудивительно, о чем она сразу подумала. Кошмар! Почему взрослые иногда бывают такими бестолковыми?

— Мы были на берегу озера, — сказала я, эффектно появляясь в дверях кухни.

Мама повернулась ко мне и раскрыла было рот, но папа опередил ее:

— Вот как? И что же вы там делали?

— Пытались вызвать водяного, — сказала я, садясь за стол.

У папы глаза стали больше очков.

— Что?

— Мы пытались вызвать водяного, — повторила я. — В старинной колдовской книжке описан способ, как вызвать водяного. Мы решили попробовать. Но это нужно было делать ночью. Мне очень жаль, что я заставила вас волноваться...

И тут папа рассмеялся. Он хохотал как ненормальный, у него даже слезы на глазах показались. Глядя на него, рассмеялась и мама.

— Ничего смешного, — заявила я, стараясь выглядеть как можно более обиженной.

— Конечно... Конечно, ничего смешного! — задыхался папа. — Ой, не могу! А мать-то, мать чего себе напридумывала!

— Мама напрасно волнуется, — сказала я, приступая к завтраку. — Мы взяли с собой Вол-

ка, и у Марата был газовый баллончик. А еще кофе и бутерброды.

— Экипировались, значит? Ну, молодцы!

У папы прямо истерика была, честное слово.

— Ну что, видели водяного?

— У нас не очень хорошо получилось, — честно сказала я. — Думаю, он уже готов был появиться, но Волк его напугал. А то бы непременно увидели. Мама, ты меня отпустишь в другой раз?

Мама утерла слезы с глаз и махнула рукой.

— Отпушу. Только предупреждай заранее, когда пойдешь вызывать водяного, домового, лешего... Чтобы я не волновалась. А нельзя ли брать с собой кого-нибудь из взрослых?

— Можно, конечно, — согласилась я. — Если папа пообещает вести себя тихо и не смеяться над нами, мы его в другой раз возьмем.

— Премного благодарен! — И папа снова захохотал.

Я поняла, что пора заканчивать этот разговор.

— Спасибо за завтрак, мамочка. Я пойду в сад, ладно?

И быстренько смылась.

## 7

Я посидела полчаса в садовой беседке, читая Стивена Кинга, а потом пришел Марат.

— Хотел подкрасться к тебе незаметно и рывкнуть в ухо, — признался он, входя. — Да побоялся, что ты копыта откинешь.

— Правильно сделал. Эта ночь, да еще вот Стивен Кинг...

— Ну, а что мы будем дальше делать?

Такие вопросы называются риторическими. Мы оба знали, что нам следует делать дальше, но никто не хотел сказать это первым.

Марат решился:

— Что молчишь? Ты, кажется, сама говорила, что надо пробраться на Черную Дачу...

— Только давай не сегодня ночью, ладно? — взмолилась я. — А то моя мама меня засекла, и сегодня утром была разборка.

— Да ну?! — вытаращил глаза Марат. — И что тебе сказали?

— Мама решила, что я ходила к тебе на свидание...

Марат хихикнул смущенно.

— И что?

— И то! Ругалась на папу, зачем он меня не воспитывает. И тут появилась я и сказала, что мы с тобой вызывали водяного. Родители сразу убедились, что я — ребенок, и даже ругать не стали. Смеялись только.

— Молодец, Ленка! Честно говоря, я сам бы до такого ответа не додумался.

— Еще бы... Только все равно давай отложим эту нервотрепку. И родители заодно расслабятся.

— Ладно, уговорила...

Тут я вспомнила про пленку.

— Постой, а фотография? Ты ее проявил?

Марат только рукой махнул.

— Не только проявил, но и отпечатал. Ничего не вышло. Посмотри сама.

И вынул из кармана смятое фото. Действительно, на нем была видна только смутная тень, и этой

тенью могло быть что угодно — человек, ствол дерева или просто фонарный столб.

— В конце концов, на фотографиях снежного человека тоже разглядеть нельзя, — вздохнул Марат. — А все смотрят и убеждаются, что снежный человек существует...

— До снежного человека нам дела нет. Он далеко, в горах где-нибудь. А эти чудища под боком. Как ты думаешь, кто они?

Марат пожал плечами.

— Мутанты какие-нибудь. От радиации, может быть, или еще от чего-то... Но знаешь, если мы решили сегодня не ходить на Черную Дачу — лучше о них и не разговаривать!

— Ты прав. Партию в теннис?

На теннисном корте мы провели почти весь день: играли сами, смотрели, как играют другие, и я даже не вспоминала о наших существах. Мысли мои были заняты совсем другим, как ни странно.

Удивительно, что мама сделала такие выводы из моего ночного отсутствия. Нет, она и раньше беспокоилась, когда я поздно возвращалась, скажем, с прогулки, но никогда, кажется, не думала, что я чем-то занимаюсь с мальчиком. Всегда говорила, что большая преступность и все в этом роде... А еще этот Маратов поцелуй! Зачем он это сделал, ну зачем? Все было так просто и понятно — мы друзья, и все! А теперь вот я ломаю голову... Я искося посмотрела на Марата. Он сидел рядом со мной на скамеечке, пил воду. Я смотрела на его губы, так красиво изогнутые, и мне было тепло и как-то щекотно.

Марат уловил мой взгляд и понял, куда он на-

правлен. Он, наверное, подумал, что у него губы в чем-то испачканы, и вытер их, а потом спросил:

— Ты чего?

— Ничего, — ответила я. — А зачем ты меня поцеловал там, на берегу?

Марат смутился.

— Не знаю... Так, захотелось. Но если ты... Если я... В общем, я могу пообещать никогда этого не делать.

Мне стало смешно.

— Да нет, зачем же! Смотри, корт освободился. Еще сыграем?

Я схватила ракетки и вприпрыжку побежала к площадке, а Марат — за мной. Больше мы к этому разговору не возвращались.

Постепенно на дачи стал съезжаться народ — наши прошлогодние знакомые. Мы долго ждали их, но, к собственному удивлению, теперь не очень сильно обрадовались. Нас с Маратом связывала общая тайна, которой мы не собирались делиться ни с кем. Мне кажется, многие в те дни чувствовали наше единение и стеснялись в него лезть. Мы, наверное, походили на заговорщиков — впрочем, так оно и было.

Впрочем, теперь нам было с кем играть в волейбол, и дня два мы только этим и занимались. Я с утра до ночи пропадала на площадке, прибегала домой только поесть и на ночь. Мама нарадоваться не могла, когда я, вспотевшая и растрепанная, врывается в кухню с мячом под мышкой, быстро съедает все, что она давала, и снова убегала. Мама убедилась в том, что у меня все благополучно.

Но благополучие это было мнимое. Нас с Маратом не оставляла мысль проникнуть на Черную Дачу и посмотреть, что там творится. Мы об этом не говорили, но каждый чувствовал, что так оно и есть. И вот как-то вечером я решила напомнить Марату о наших планах.

Он кивнул:

— Я хотел, чтобы ты об этом первая сказала, чтобы тебе не казалось, что это я тебя втягиваю в опасное предприятие. И я хотел тебе сказать, что если ты все это делаешь, чтобы не показаться трусихой, то лучше не надо. Я знаю, что ты храбрая, а то, что мы придумали, и впрямь опасно.

Мне не понравилось, как он это сказал. Так в американском боевике говорит какой-нибудь там Рембо дрожащей от страха девчонке-заложнице. Может, Марат в ту минуту и был прав, но я не могла терпеть такого обращения.

— Глупости! — возразила я ему. — Мы договорились, что раскроем эту тайну, и я не успокоюсь до тех пор, пока это не случится. Понял?

Марат грустно кивнул, и я подумала, что ему самому не очень-то хочется идти на Черную Дачу. Но эта догадка сразу улетучилась, как только он заявил:

— А пока ты с этими отморозками играла в волейбол...

— Можно подумать, ты не играл! — возразила я.

— И я играл, — согласился Марат. — Но выбрал все же время и провел небольшую разведку...

— Что? Без меня?

— Не дуйся. Ничего такого я не делал. Просто мне пришла в голову одна мысль: откуда же тогда

выскочила эта собака-мутант, если дача такая вся из себя неприступная? И я отправился на то самое место.

— Ну?

— Ну, и нашел дырку в заборе. Вернее, подкоп. Понятно, что собака сама подрyla землю под стеной и вылезла оттуда. Она была здоровенная, и, значит, мы сможем пролезть в выкопанную ею дырку!

— Ты гений, Марат! — без иронии сказала я. — Здорово ты придумал. И когда же мы собираемся пойти в гости к доктору Вильберу?

— А чего тянуть? Пойдем сегодня же ночью. Только вот что, Лена... Мне кажется, ты как-то несерьезно относишься к нашему плану.

Честное слово, меня никто и никогда не удивлял больше, чем Марат! Ишь, какую серьезную физиономию мы умеем делать!

— Ты ошибаешься. Если я и шучу, это еще не значит, что я несерьезно отношусь к тому, что мы собираемся сделать. Просто если все время дрожать и бояться — никаких нервов не хватит. А нам они еще пригодятся.

Марат улыбнулся и погладил меня по руке.

— Да, теперь я понял.

Я долго раздумывала: говорить ли папе с мамой, что опять исчезаю на ночь? Вернее, даже не раздумывала — ясно было, что говорить им этого не следует, — но меня все же мучили угрызения совести: вдруг мама опять заметит, что я уходила? И тогда меня до конца лета из дома не выпустят, а то и вовсе отправят в город!

Но что-то надо было выбрать, и я решила.



Условились мы с Маратом так же: около полуночи он кинет камешек мне в окно. Вечер прошел так же, как и тот, когда мы собирались на озеро. Я не легла спать, сидела на подоконнике и ждала Марата.

Поджилки у меня тряслись. Одно дело идти на озеро, и совсем другое — проникнуть в чужую дачу. Вдруг нас примут за обыкновенных воришек? Или... Но что «или» — я не знала, просто тряслась от ужаса.

К тому времени как Марат появился на нашей лужайке, я уже немного успокоилась. Решила — будь что будет! Можно, конечно, бросить все и не заниматься больше этой странной историей. Играть в волейбол, теннис и «Монополию», ходить купаться, слушать музыку, говорить со Светкой о тряпках. Ну и что я вспомню, когда стану старрой? Да и вообще, не хотелось мне всю жизнь жалеть о том, что проворонила, быть может, самое интересное приключение в своей жизни. Тем более что я была уверена — САМОГО плохого с нами не случится. С кем угодно, только не с нами!

— Готова? — спросил Марат, когда я вышла ему навстречу.

— Да что там готовиться! — принужденно засмеялась я, увлекая его к забору. — Бутерброды нам не понадобятся, кофе тоже...

— Глупая, я спрашиваю: морально готова?

— Всегда готова! — ответила я.

Черная Дача ночью выглядела еще страшнее, как средневековый неприступный замок. Мы не без труда нашли подкоп, про который говорил Марат, — как хорошо, что его не нашли и не зары-

ли, и как хорошо, что я надела старые джинсы и водолазку! Пришлось елозить на животе по земле, да еще и крапивы вокруг росло — завались! Но я понимала, что это не самое страшное из того, что может встретиться нам на пути, и не жаловалась. Просто пролезла вслед за Маратом в подкоп.

И вот мы уже на вражеской территории. Марат не стал зажигать фонарик, чтобы не обнаруживать нашего присутствия. Было видно, что участок заброшенный: ничего на нем не росло, даже деревья выглядели как-то странно — точно их нарочно поливали серной кислотой. В даче не светилося ни одно окно, точно она была необитаема, но, приблизившись к дверям, мы поняли, в чем дело: все окна были закрыты изнутри ставнями, причем такими, что сквозь них не просачивался ни один лучик. Так что, может быть, в доме еще и не спали.

Только сейчас я поняла, какие же мы все-таки самоуверенные идиоты! Почему мы не выработали конкретный план? Ну, проникли мы в сад, а что дальше? Вот и стоим, как дураки, на лужайке и не знаем, что нам делать дальше! Марат, очевидно, думал то же самое, потому что выражение лица у него было обескураженное. Но когда я уже хотела предложить ему убраться восвояси, он вдруг просиял: явно что-то придумал и потянул меня за руку. Мы обошли дом.

Молодец, Марат! И как мне не пришло в голову, что все дачи строились по одному типу? У нас к задней стене дома тоже прислонена лестница, которая ведет на чердак, и у Марата тоже...

Хорошо, что лестницы такие добротные. Эта

почти не скрипела под нашими ногами, и мы благополучно добрались до чердака. Ну, теперь если нас здесь застукают — конец!

На чердаке, как на всех чердаках, было много всякого хлама. Наверное, новый хозяин свалил сюда все, что осталось от предыдущих жильцов: какие-то соломенные стулья, ветхое кресло-качалку, старые одеяла и прочее барахло.

— Помнишь, мы сюда лазили, когда дача была еще заброшенной? — шепотом спросил Марат.

Я, разумеется, помнила. Самые страшные истории рассказывались именно на этом таинственном чердаке. И я помнила еще кое-что, чего Марат не помнил наверняка...

Одна из досок в самом углу чердака была плохо прибита и одним концом отходила в сторону. Через нее мы два года назад заглядывали вниз, пугали друг друга и наших приятелей. Теперь же, если ее не прибили поосновательней, мы можем увидеть, как поживает доктор Вильбер!

— Ты куда? — всполошился Марат, когда я встала и направилась в угол, но тут же все понял и усмехнулся.

Доску никто не позаботился прибить, и мы без труда отодвинули ее. Но увы, мы ничего не увидели. Прошло несколько секунд, прежде чем мы сообразили, что внутри дача была отделана гораздо лучше, чем снаружи, — доктор Вильбер соорудил в своей комнате, очевидно, что-то вроде подвесного потолка.

— Все напрасно, — заявила я Марату и уже хотела было поставить доску на место, как...

Внизу хлопнула дверь, и раздались шаги. Мы

слышали их так явственно, словно сами находились в комнате! Мы переглянулись и стали слушать.

В комнате находились два человека, один из них был доктор. Голос другого не был нам знаком.

— Продолжайте инъекции, — сказал доктор кому-то, наверное, своему помощнику.

— Хорошо. Но не кажется ли вам, что мы рискуем потерять животное?

— Да, это было бы обидно. Такой экземпляр... Но что поделать — живые существа гибнут во имя науки во все времена. Это очень важный эксперимент, я не намерен его притормаживать.

— Да, вы правы. Но жаль будет, если такая работа... — Голоса стали удаляться, через некоторое время приблизились опять. На этот раз к ним примешивался какой-то приглушенный визг — словно скулила большая собака.

— Они принесли какое-то животное, — шепнул мне Марат. Глаза у него стали совсем круглые, да и я, наверное, выглядела не лучше.

Дальше голоса понесли какую-то научную околесицу. Я не понимала ни слова, кроме часто повторяющегося ДНК, но этого было явно мало. Марат же, казалось, что-то понимал: он вытянулся на полу, чуть ли не просунув голову в щель, выражение лица у него было напряженное. Доктор со своим напарником о чем-то спорили, но ни одного слова я по-прежнему не понимала. А Марат заволновался, задвигался и неожиданно толкнул ногой какой-то ящик...

Мне показалось, что грохот разнесся по все-

му поселку, хотя ящик даже не упал, а просто немного подвинулся. Внизу, однако, этот звук слышали.

— Эта дача, похоже, сверху донизу набита крысами, — пожаловался доктор Вильбер.

Ассистент рассмеялся.

— А вы не боитесь, что это опять сбежал кто-то из ваших пациентов?

— Вроде бы никто не пропадал...

Я никогда не думала, что можно испытывать такой ужас. Секунды для меня растянулись в вечность. Наконец голоса внизу смолкли, а потом звук шагов и хлопок двери убедили меня в том, что доктор со своим собеседником вышли из комнаты...

Мы с Маратом пулей вылетели с чердака. Я даже не помню, как мы спустились по лестнице и как я вообще умудрилась спуститься, когда колени и руки у меня так тряслись! Опомнилась я только на улице, за оградой.

— Ты что-нибудь понял? — спросила я у Марата.

— Не очень много, — повинился он. Марат тоже выглядел как сумасшедший. — Но то, что мне удалось понять, — по-настоящему страшно. Давай-ка лучше завтра об этом поговорим...

— Да ты что, я же за ночь чокнусь от любопытства! — взмолилась я.

— А так ты за ночь чокнешься от страха, — сухо ответил мне Марат, и тут я подумала, что и сама, кажется, начинаю что-то понимать... И мне хотелось выслушивать выводы Марата.

Домой я пробралась удачно, и на этот раз мама

ничего не заметила. Только Волк глянул укоряюще из своей будки: на этот раз ему не удалось увязаться за мной!

Я завела будильник, чтобы встать как обычно — иначе мама могла бы догадаться, что я опять уходила на ночную вылазку.

Когда утром я спустилась к завтраку, глаза у меня слипались — хоть спички вставляй! Но родители ничего не заметили: они были заняты более важным делом. Сначала я даже не поняла, что они обсуждают, а потом сообразила — у них ведь скоро годовщина свадьбы! Пятнадцать лет со дня вступления в брак! И, как я поняла, они собирались широко отметить это событие. Мне они, однако, ничего не говорили, только поглядывали как-то таинственно.

Я благополучно улизнула из-за стола и решила пойти вздремнуть в гамаке, пока Марат не выдохнется и не придет делиться со мной своими соображениями. Ночью я спала плохо. Мне снились кошмары, и хоть я не кричала, как в первый раз, — все равно было неприятно. Догадки же мои о том, чем занимается доктор Вильбер, были настолько ужасны, что и думать об этом не хотелось. А придется! Если уж я взвалила на свои плечи такую ношу... Ведь взрослым совершенно невозможно ничего рассказать: они сразу начнут либо хихикать и называть тебя фантазеркой, либо засомневаются в твоём душевном здоровье и запретят смотреть фильмы ужасов. Да меня на эти фильмы и не тянуло последнее время, честно сказать.

Марат явился бодрый, словно спал всю ночь крепким сном, но когда он подошел ко мне поближе, я поняла, что он не бодрый, а взвинченный. Не по себе ему было, сразу видно. И начал он с места в карьер, без всяких предисловий.

— Я все понял, — начал он, не садясь. — Я понял, чем он занимается.

— Чем?

— Сама подумай: если он ученый и проводит научные эксперименты, зачем ему запираяться на старой даче? Ученые проводят опыты в хорошо оснащенных лабораториях, государство выделяет на это деньги. А он явно занимается самодеятельностью, работает сам на себя. Понимаешь, мне кажется, что все это гораздо страшнее, чем мы думаем.

— Куда уж страшнее, — проворчала я, но кровь застыла у меня в жилах.

— Он занимается опытами над людьми! — заявил Марат.

Я промолчала. Мне просто нечего было сказать, а Марат продолжал:

— Эта собака... Эта рыба... Он каким-то способом приводит людей к такому состоянию. Знаешь, как в той книжке про человека-амфибию. Помнишь?

— А зачем ему это? — напряглась я, потому что никакой книжки про человека-амфибию на самом деле не помнила.

— Вот этого я не знаю, — вздохнул Марат. — Человека-рыбу я еще понять могу: чтобы, скажем,

доставать со дна всякие там затонувшие сокровища...

— Марат! Затонувшие сокровища бывают только в сказках! И сейчас полно современной техники, с которой достать эти сокровища хотя бы и со дна Марианской впадины — дело плевое. Ты еще скажи, он Атлантиду хочет найти.

— А что... — начал было Марат и сник.

— Человек-собака — это я еще понимаю. С таким нюхом, как у собаки, можно много чего найти. И охрана хорошая. Но опять же — зачем?

— Да что ты пристала! Откуда я знаю — зачем? Может быть, он просто сумасшедший!

Эта версия казалась вполне правдоподобной. Хотя лично я думала, что сумасшедшие ученые тоже бывают только в сказках. К тому же, хоть я и видела доктора Вильбера один раз в жизни, он произвел на меня впечатление вполне нормального человека. Хотя кто его знает...

— Но ты согласна, что, скорее всего, все эти монстры — его рук дело? — допытывался Марат.

— Согласна, — вздохнула я. Это и в самом деле было ежику понятно.

— И с тем, что, будь его опыты легальными, он бы производил их в какой-нибудь лаборатории?

— И с этим согласна...

— Вот так! О чем еще можно говорить?

Мы задумались.

— Ну тогда, — начала я нерешительно, потому что сомневалась в правильности пришедшего мне в голову варианта, — тогда давай расскажем обо всем хотя бы родителям и настоим на том, чтобы они куда-нибудь обратились...



— Ага, а они поднимут нас на смех!

Честно говоря, я и сама об этом думала, поэтому возражать не стала.

— Что же тогда делать?

— Мы сделаем вот что, — объявил Марат, усаживаясь рядом со мной. — Мы пойдем туда еще раз.

— Но... — заикнулась я, но Марат прервал меня:

— Если ты хочешь, я пойду туда один. И я попробую проникнуть в дачу, в самую дачу. И увидеть этих людей или этих животных... В общем, тех существ, с которыми доктор Вильбер проводит свои ужасные опыты. И может, даже взять одно из них... Взять с собой. Только потом, когда у нас будут доказательства, мы сможем куда-нибудь обратиться. Я говорю «мы», потому что думаю, что ты пойдешь со мной. Но это необязательно. Если ты боишься или просто не хочешь портить себе лето — можешь отказаться. Я не стану к тебе после этого хуже относиться. В конце концов, ты девочка...

— Я буду с тобой, — сказала я. Голос прозвучал хрипло, и, прежде чем сказать следующее предложение, мне пришлось откашляться. — Я пойду с тобой. Еще чего — лишиться такого приключения! И это ты называешь «испортить лето»?

Но по необычайно серьезному виду Марата я понимала — приключения и игры кончились. Началось что-то очень ответственное и, может быть, даже опасное.

Когда смотришь по телевизору фантастику, как-то не вдумываешься в то, что чувствует герой. Такие фильмы бывают двух типов: либо человек сам лезет в какую-то заварушку и исследует ка-

кое-то явление. Тогда ему не до страха, он занят работой. Либо герой оказывается именно втянутым в какое-то дело, изо всех сил старается забыть про него и вернуться к реальности. Тогда он выглядит довольно жалким и вообще его в конце убивают. Поужинает им зомби или мумия, да и дело с концом. В то время как герой первой разновидности почти всегда остается в живых.

Я рассказала об этом Марату, и он усмехнулся.

— Надо же, какие у тебя мысли! Где ты этого нахваталась?

— Собираюсь стать режиссером и снимать фильмы ужасов, — поделилась я с ним. — Вот и набираюсь опыта. А серьезно — я их столько пересмотрела в свое время, что сделать такие выводы мне ничего не стоит.

Странно, но после того, как мы все обсудили, нам стало гораздо легче. Наверное, так всегда бывает, когда на что-то окончательно решишься: не остается никаких сомнений.

— А что, мы опять потащимся на Черную Дачу ночью и будем ходить кругами, а потом врать родителям насчет домового? — спросила я у Марата. Но тот только рассмеялся.

— Это ты дрыхла до завтрака, а потом еще валялась в гамаке! Я же почти всю ночь не спал и вскочил на рассвете. Поэтому успел кое-куда сходить...

Я навестила ушки.

— Куда?

— К Светке!

Я обалдела.

— Зачем?

— Пригласил ее с нами на рыбалку.

— Вот еще! Она же будет сидеть на берегу в новом платье и ныть по поводу и без повода!

— Знаю. Да и не для удовольствия я ее на рыбалку пригласил, а для того, чтобы выведать у нее информацию. Она целыми днями сидит на своей веранде, слушает музыку или читает. И наверняка видит, сколько раз выходит доктор из дома, уезжает ли он когда-нибудь... Ведь кто-то ему привозит, скажем, продукты? Сама подумай: если он даже черными сухарями питается, то ведь этих несчастных животных чем-то кормить надо, чтобы они копыта раньше времени не отбросили!

— Может, ему его напарник возит еду.

— Может, и так. Но тогда плохо наше дело. А теперь собирайся, зайдем за Светкой и пойдем ловить рыбу.

— В мутной воде, — фыркнула я.

Когда, взяв удочки, мы уже шли к Светкиному дому, Марата вдруг разобрал смех.

— Ты чего?

— Да вот, представил себе, как сидим мы на берегу, а тут выпрыгивает наше чудо озерное. Сколько бы визгу было! Светка, я думаю, на всю жизнь бы заикой осталась.

Я хотела заметить, что мы тоже не такие уж и храбрецы и испугались до столбняка, но промолчала. В самом деле, мы неплохо держались!

Светка, как я и предсказывала, разоделась на рыбалку, как на дискотеку — расклешенные брючки-стрейч, блестящий топик... Хорошо, хоть додумалась не краситься на этот раз. Но Марат все равно фыркнул, разглядывая ее костюм.

Навести Светку на нужный разговор оказалось

легче легкого: она готова была трещать о чем угодно. Выяснилось, что доктор Вильбер уезжает с дачи каждую пятницу, рано утром, и утром или днем в субботу. Как-то раз он заходил к Светкиному отцу спросить запаску. Светка о ком угодно рада посплетничать и на этот раз выдала нам все — что ее отец называл доктора «очень приличным и интеллигентным человеком», а мама сказала, что он «наверное, холостяк», и все в этом роде. Но информация была уже получена, и теперь мы могли не слушать Светкиного трепы. Главное мы узнали! Правда, еще одно волновало меня: уезжает ли в город его ассистент?

— Слушай, а ты больше никого, кроме этого Вильбера, не видела на даче? — спросила я, кажется, довольно невпопад.

— Да как же, увидишь, — надула губы Светка. — Они же все таким забором огородили, через него и не заглянешь. Такой огромный! Видела только, что там еще мальчик появляется — на машине приезжает. Такой лапочка, такой интересный...

И Светка, дурочка, препротивно закатила глаза. Только о мальчиках и думает!

— Какой мальчик? — встрял Марат.

Светка, очевидно, по-своему поняла его интерес, потому что тон у нее стал ужасно кокетливый.

— Стильный такой, лет двадцать пять на вид. Очень милый, — засюсюкала она.

— И часто он приезжает? — поинтересовался Марат. Тон у него был крайне заинтересованный, и Светка, скорее всего, приняла это за сцену ревности.

— Не очень, — вздохнула она. — Я даже не знаю, как его зовут... Ой, Ленка, у тебя клюет!

Я подсекла и вытащила небольшого карасика. Значит, ассистент не все время проводит на даче, а только приезжает сюда время от времени! Но может быть, на даче еще кто-нибудь есть?

Но от Светки мы больше ничего не добились, да и сказанного ею было больше чем достаточно. Теперь у нас появился шанс прорваться на Черную Дачу!

Мы наловили довольно много рыбы — так всегда бывает, когда не надеешься на хороший улов, — и всю ее отдали Светке. Ни я, ни Марат рыбу из этого озера есть не могли. Понятно почему.

Когда мы возвращались домой, Светка задержала меня на минутку (Марат ушел вперед) и сказала:

— А ты видела, как Маратик смотрел на меня, когда я говорила про того парня? Ну, того, который к соседу приезжает? Ревнует, дурачок!

«Сама ты дура», — хотелось мне сказать ей, но я сдержалась. Ума у нее от этого не прибавится, а вот приобретать себе врага не хотелось. Мы проводили Светку до дома, выпили у нее чаю и пошли ко мне.

— Что тебе шептала эта кривляка? — поинтересовался Марат.

— Да так, — я хихикнула. — Женские разговоры.

Марат посмотрел на меня, как на ненормальную.

— Да? Ну ладно. В пятницу идем в гости к Вильберу?

— Идем. А сегодня какой день недели? Я совершенно перестала за этим следить.

— С утра был вторник...

Марат пошел домой: он хотел помочь отцу чинить лодку, и мне тоже пришлось возвратиться восвояси. Но на даче у нас стоял дым коромыслом, и я поняла, что не в добрый час я сюда вернулась. Мама ни с того ни с сего затеяла генеральную уборку, и все в доме было вверх дном. Она тут же вручила мне пыльную тряпку и отправила на трудовой подвиг.

— А в честь чего такая баня? — поинтересовалась я у нее. — Недавно же все убрали, перед тем как переселиться.

— В пятницу мы с твоим отцом отмечаем годовщину свадьбы, — объявила мама. — Да что с тобой такое? За завтраком же об этом говорили!

Как же, слышала я, о чем они там говорили за завтраком...

— Так ведь до пятницы еще ого-го сколько дней!

— Не так уж и много. Сегодня вторник, так? В среду я еду за продуктами, а в четверг готовлю кое-что. В пятницу с утра — о, Боже! — опять готовлю, и мне еще надо отдохнуть и привести себя в божеский вид. За продуктами мог бы съездить и папа. Но мы поедем вместе. А то он, как всегда, купит что-нибудь не то. Мороженого на все деньги, скажем.

— Это было бы неплохо, — облизнулась я.

— Я думаю! Но у нас будут гости, и мне позарез надо не ударить в грязь лицом. И вот еще о чем я с тобой хотела поговорить...

Гости... Кошмар! Значит, придется надеть самое глупое платье, причесаться «аккуратно» и целый вечер сидеть за столом с ангельским вы-

ражением лица, а потом еще получать взбучку от мамы за то, что на предложение тети Нади взять еще кусочек торта ответила: «На фиг надо, я и так налопалась».

— Так вот, — продолжала моя неумная мама, — дело в том, что мы с твоим отцом замыслили небольшое путешествие на курорт.

Тут я поняла, что гости — это еще только цветочки. Меня хотят увезти на неведомый курорт, где наверняка будет невесть какая скука!

Но я девочка воспитанная (иногда) и потому изобразила на лице интерес.

— Видишь ли, об этом я с тобой и хотела поговорить... Понимаешь, мы решили не брать тебя с собой, если ты согласна, конечно...

Ушам своим не верю!

— А чтобы не было никаких обид, я хочу объяснить тебе некоторые вещи. Ты уже достаточно взрослый человек, чтобы это понимать. Знаешь, мы с твоим отцом очень любим друг друга, но уже довольно давно живем вместе. Неминуемо возникает что-то вроде привычки, привязанности к домашнему быту... Для того чтобы освежить свои чувства, нам необходимо куда-нибудь выехать...

Будь я противной и вредной, я бы непременно съязвила по поводу того, что, оказывается, являюсь для родителей частью домашнего быта. Но на этот раз все шло по плану, и вредничать мне было не резон. Поэтому я закивала головой, и на моем лице изобразилась, очевидно, такая идиотская радость, что мама покосилась на меня настороженно.

— Понимаю-понимаю! — весело заявила я. —

Я читала об этом в разных журналах. В «Космополитене», например. Конечно, поезжайте!

— Но тебе одной нельзя оставаться на даче, — огорошила меня мама. — Мы с отцом уже думали по этому поводу. Можно было бы отправить тебя в город, к тете Наде...

— Ни за что! У нее смертельная скука. Салфетки везде, и лекарствами пахнет. И она все время рассказывает мне про дальних родственников и показывает их фотографии. А кормит только манной кашей и всякими там киселями! Не поеду!

Я и сама не понимала, что именно хочу сказать своим бунтом, но надо было что-то делать!

— Хорошо-хорошо, — удивительно быстро согласилась мама. Очевидно, ее все же мучили угрызения совести по поводу того, что меня не берут с собой на курорт. — У нас есть еще один вариант. Мы попросим приглядеть за тобой маму Марата, Елизавету Васильевну. Ты переселишься на их дачу — Тая уехала на практику, и у них освободилась комната... В конце концов, это же только одна неделя!

Я не стала визжать от радости и бросаться маме на шею — мне в кои-то веки удалось сдержать свои эмоции.

— Да, так будет лучше, — сказала я с достоинством. — По крайней мере, вы мне оставите ключи от нашей дачи? Мне здесь могут понадобиться вещи, и вообще...

— Конечно! — заверила меня мама. — Ты уже взрослая девочка, вполне можешь хозяйничать одна. Проводи здесь целые дни, только ночевать



уходи туда. Я думаю, тебе и самой не захочется ночевать в пустой даче...

— Да, мамочка, — кротко сказала я.

На том и порешили.

## 9

Папа вернулся с работы, и мама сразу же объявила ему, что мы уже во всем разобрались и пришли к соглашению. Папа, похоже, был вне себя от радости и долго превозносил мои достоинства. Говорили бы они обо мне так каждый день, я бы другим человеком была!

К вечеру, когда уборка была окончена, мы пошли к Марату, чтобы оповестить его родителей, что я остаюсь у них на руках. Мама Марата страшно обрадовалась: она была убеждена, что я оказываю на ее сына хорошее влияние. Правда, я не понимаю, почему она думала, что Марату вообще нужно это влияние — он, вроде, не алкоголик и не наркоман, а то, что он слушает громкую музыку, еще не значит, что он хулиган. Но это уже неважно. Я клятвенно обещала влиять на Марата изо всех сил, а он из-за спин наших родителей строил мне смешные рожицы.

Приятно, когда в семье такая атмосфера! Мама довольна, отец доволен, а уж я-то как рада — просто не описать!

Два дня прошли во всевозможных приготовлениях к торжеству. Я, правда, участвовала в них чисто формально. Мои мысли были заняты совершенно другим «торжеством», которое еще не известно чем закончится!

— В случае нашей неудачи, — мрачно пошутил Марат, — твоим родителям придется срываться с курорта на твои похороны.

— Я люблю твой черный юмор, но, может, лучше будем рассказывать анекдоты про дистрофиков? — попросила я. — И так страшновато...

Марат демонически захохотал.

В пятницу с утра я нарвала полевых цветочков и на цыпочках прокралась в спальню к родителям, водрузила на тумбочку букет и убежала. Мама была растрогана моим сюрпризом и тут же, очевидно, в знак благодарности запрягла меня накрывать стол. Это был не совсем обычный стол: мои родители решили быть оригинальными и устроить пикник под открытым небом. Гости съезжались к полудню, к вечеру пикник должен был закончиться, и мама с папой уезжали в город, чтобы оттуда ночью улететь на отдых. Расписание напряженное, что и говорить, поэтому мама суетилась, как ненормальная, все время опасаясь что-нибудь забыть. Папа, приодевшись и напялив на себя кухонный фартук, жарил на лужайке шашлыки. В этот день он подарил маме сережки с бриллиантами, а мне — ура! — двухкассетный магнитофон! Мой старый уже никуда не годился, и потому я была на седьмом небе от счастья и даже не очень отлынивала от помощи в приготовлениях.

Скоро съехали гости, и праздник начался. К этому моменту все мои восторги уже поутихли, я только и думала что о готовящемся походе, и дрожала от страха. Даже обычные сюсюканья гостей по поводу того, как я выросла и похорошела, намеки насчет женихов не выводили меня

из себя — мысли мои были очень далеко от этого стола, от вкусного запаха шашлыка и разных деликатесов, которые папа с мамой накупили в городе. К пяти часам я уже сидела как на иголках. Марат, явившийся поддержать меня, сказал, что он сегодня, как обычно, встал рано и отправился следить за Черной Дачей. Доктор Вильбер уехал в город, и с ним уехал тот самый «интересный мальчик», о котором так вздыхала Светка. Значит, дача пуста! Остался только один вопрос: как мы туда проникнем? Его я и задала Марату, когда мы пошли прогуляться по саду.

— Смотри. — Он выгреб из кармана целую кучу старых ключей.

— Ты думаешь, они подойдут? Наверняка, если человек занимается такими опытами, он запирает дверь на что-то очень серьезное.

— Тогда остаются окна. В нашем поселке воров сроду не водилось, все очень хорошо охраняется. Вспомни, сколько раз твои родители забывали закрыть окно? И ничего, никаких ограблений...

— Да, но мои родители не ставят опыты над людьми... А кроме того, вспомни сам, какие были шикарные ставни на этой дачке. Через них даже свет не проникал, а как ты собираешься проникнуть?

— Да что ты меня донимаешь! — взорвался Марат. — Когда мы шли туда в первый раз, мы тоже ничего не знали. Но вот нашлась же лазейка, и можно было слушать...

— Да, но про эту лазейку кто вспомнил? Я! А на этот раз я ничего такого не припоминаю!

Тут Марат остановился, поднял глаза к небу и выдал очередную умную тираду о том, что в эк-

стремальной ситуации все способности человека обостряются, и, может быть, мне опять что-нибудь придет в голову... А может, и ему, Марату, — он же не полный идиот!

Мне не хотелось больше с ним спорить. В конце концов, я сама виновата: надо было думать об этом на досуге, а не сейчас, когда уже пора идти!

Мы вернулись к даче — гости уже стали разъезжаться. Я вытерпела несколько родственных поцелуев и очередных шуточек на тему моей взрослости, и — ура! — все уехали. Мама с папой стали тоже лихорадочно собираться, возложив на меня безумно приятную обязанность «все тут прибрать». Но я заявила, что приберусь после их отъезда, и терлась рядом с ними, мешая собираться.

И вот наконец после долгих напутствий и прощальных маминых слез (словно они уходят в годичную экспедицию по опасным джунглям!) они уехали. Я уже, честно говоря, не верила в это, и потому, когда машина отъехала от ворот, просто обалдела и некоторое время стояла не в силах сдвинуться с места! Ко мне подскочил Марат.

— Ну что, прямо сейчас пойдем? — Он, очевидно, тоже весь издергался за время этого банкета.

— Иди, — хладнокровно посоветовала ему я, не отводя глаз от дороги. — Там тебя увидит кто-нибудь из прохожих, когда ты будешь подлезать под оградой, или сторож застукает, или Светка выглянет... Глупый, надо подождать, пока стемнеет! Лучше иди скажи матери, что остаешься со мной смотреть фильм и доедать шашлыки, а часов в одиннадцать двинемся. Только боюсь, тебя хватятся и начнут искать.

Марат только плечами пожал.

— Если кого и хватятся, так это тебя. На меня мать рукой махнула, а ты — чужой ребенок, оставшийся на ее попечении. Она с тебя теперь глаз не спустит. Так что придется действовать по старому плану...

Меня учить не надо было.

— Значит, разбегаемся по постелькам и ждем, когда все заснует?

— Ха! А кто все-то? Тайка в город уехала, у нее практика, отец в командировке. А мама спит как сурок. Я когда первый раз на озеро собирался, на кухне бутерброды делал и сковородку уронил, вот такую! Застыл весь, дрожу, а она даже не проснулась. Так что все будет нормально!

— Ты меня успокоил...

Мы великолепно провели вечер, сидя в нашей гостиной и доедая шашлыки. Весь день я так волновалась, что и кусочка съесть не могла, а теперь у меня внезапно проснулся волчий аппетит.

— Это тоже от волнения, — объяснил мне Марат.

Мы смотрели какой-то дурацкий боевик. Но через некоторое время за нами пришла тетя Лиза.

— Не пора ли вам на боковую, молодежь? Давай, Ленуша, гаси всюду свет и запирай дачу. Ужином вас кормить, я вижу, не надо, а постель я тебе уже приготовила. Пойдемте!

Я хотела протестовать против обычая ложиться спать так рано, но вовремя вспомнила, что со своим уставом в чужой монастырь не ходят. Тетя Лиза разогнала нас по спальням и сама ушла спать. Вскоре Марат совершенно спокойно про-

шел ко мне в комнату. Мы сидели, не зажигая света, и когда старинные часы в гостиной пробили полночь, решили — пора!

Как мы крались к Черной Даче — лучше не рассказывать. У меня сердце билось где-то в горле, и казалось, что я его вот-вот выплуну, а возле самого забора на Марата напал смехунчик, и он все никак не мог пробраться в подкоп. Но потом все-таки справился с собой.

На территории дачи было, как и в прошлый раз, темно, но это еще ничего не значило. Мы помнили про хитрые шторы, которые не пропускали даже свет, и не расслаблялись. Марат шепнул:

— Надо просто походить вокруг дачи и послушать, не разговаривает ли там кто. В этих домишках такая звукоизоляция...

— А если там один человек и ему не с кем разговаривать? Или он уже лег спать, а услышав нас, проснется?

— Ну и что ты предлагаешь? — шепотом закричал Марат, и я сникла.

Действительно, предложить было нечего, кроме того, чтобы убраться отсюда подобру-поздорову, а на это я не была согласна!

Мы на цыпочках обошли Черную Дачу, принося к каждой стене и слушая. Какие-то звуки все же были... Но вряд ли они издавались человеком! И не могу сказать, чтобы мне от этого стало веселее...

Наконец Марат расхрабрился. При свете карманного фонарика, который держала я, он попытался подобраться к двери отмычку (прежде мы убедились, что все окна закрыты). Как я и предска-

зывала, у него ничего не вышло, хотя замок был не особо хитрый — обычный замок. Но для этого надо быть профессионалом...

И тут, пока Марат ковырялся ключом в замке, я обратила внимание на балкончик. Такой есть в каждом доме — небольшой балкон с резными перильцами, и расположен он на лестничном пролете, по дороге на второй этаж. Так вот, дверь этого балкона была открыта! Не нараспашку, разумеется, но я очень четко увидела в луче фонаря, что защелка ее не задвинута. Значит, стоит толкнуть дверь...

— Марат! — шепотом позвала я и, когда он обернулся, указала ему на балкончик.

Он сразу все понял и бросил свое бесполезное занятие, сунул мне связку ключей и поплевал на руки.

— Ты точно сможешь туда залезть? — спросила я. Не хватало мне еще тащить Марата со сломанной ногой и потом объясняться с его мамой!

— Я тысячу раз лазил на такой же у себя дома, — напомнил мне Марат.

Действительно, лазил, да и я лазила, но ведь то было днем, а потом дома и стены помогают... Но я ничего больше не сказала, и он полез.

Добрался Марат вполне благополучно. Я напряженно наблюдала за ним: действительно ли открыт балкон? Ура! Так оно и есть. Марат вошел внутрь, появился снова и кивнул мне. Я полезла наверх. Удивительно! Я тревожилась, что Марат упадет, но сама упасть совершенно не боялась! Он подал мне руку, и я перешагнула через низкие перила балкончика.

Мы стояли на точно такой же лестничной пло-

щадке, как та, которая была у нас на даче и у Марата тоже. В доме было совершенно тихо, и ни в одной комнате не горел свет. Кажется, у нас все вышло! Но радоваться было рано, и мы это понимали.

— Куда сначала: вниз или наверх? — спросил Марат тихонько.

— Откуда мне знать? Наверх, наверное, ведь мы оттуда слышали голоса... У них там лаборатория, наверное.

И мы пошли вверх по лестнице. Марат освещал путь фонариком, и вскоре луч уперся в дверь — совершенно обычную дверь, без всяких замков и решеток. И толкнул ее.

— Зажжем свет? — спросил он тихонько.

Мог бы и не спрашивать: ежику понятно, что свет зажечь нужно. Фонарик, в котором уже начали садиться батарейки, не освещал, а скорее искажал черты предметов, находившихся в комнате. Но Марат не мог на это решиться, поэтому я сама — пришел и мой черед быть храброй! — протянула руку к выключателю, который должен был быть там же, где и выключатель в моей спальне...

Под потолком вспыхнула гроздь ламп — кажется, они называются бестеневыми, — которые освещают операционные. И прежде чем наши глаза привыкли к яркому свету, я поняла, что это и есть операционная. Огромный стол посреди комнаты, какие-то непонятные приборы, стеклянные шкафчики со сверкающими инструментами... Были там и совершенно непонятные предметы — например, две стеклянные будки, очень похожие на телефонные, соединенные между со-



бой миллионом проводочков и напичканные какой-то непонятной аппаратурой.

Я думала, что бояться больше уже невозможно, но явно ошибалась: при виде всех этих стерильных щипчиков, ножичков, зажимчиков мне стало очень и очень не по себе. Ни одной живой души в комнате не было.

Марат зря времени не терял. Пока я, клая от страха зубами, обозревала орудия пыток, он подскочил к маленькому столику в углу комнаты, нагнулся над ним и испустил радостный вопль.

— Смотри, что я нашел! — В его руке трепетали, как живые, две затертые пухлые тетради, исписанные мелким почерком. — Ты понимаешь, что это такое? Это записи доктора Вильбера!

— Да ну?

Я моментально оказалась рядом с ним, и мы стали рассматривать находку. Но через несколько минут Марат вздохнул и махнул рукой.

— Ни фиги не понятно, — сказал он. — Все врачи так пишут. Как заглянешь в рецепт или в медицинскую карточку, так ни слова не разберешь. А тут еще латыни много...

— Скажи уж, ни одного знакомого слова, — съязвила я.

— Можно подумать, тебе такие слова знакомы! В общем, это ерунда. Разве что прихватить эти тетради с собой?.. Если вооружиться лупой, медицинским словарем и словарем латыни — может, что-нибудь и выйдет?

Эта идея мне совсем не понравилась.

— Ты совсем спятил! Вроде не в лесу рос и должен понимать, что для любого ученого тетрадь

с записями его наблюдений — самое большое сокровище! А если они пропадут, представляешь, что начнется? Весь поселок перероют, найдут нас...

— Да кому в голову придет искать именно нас?

— А отпечатки пальцев? Ты их везде понаставил. В поселке не так уж много народу, отпечатки пальцев у всех можно снять за один день. Отыщут нас, и вот тогда уже будут настоящие неприятности. Я даже больше тебе скажу: Вильбер в милицию и обращаться не будет, выйдет на нас сам, и тогда поваляемся мы на этом маленьком столике...

Марат перевел взгляд на хирургический стол, и это его, кажется, убедило.

— Уговорила. Не будем брать тетради. Но тогда здесь больше искать нечего. Пошли дальше?

— Пошли...

Другая комната на втором этаже служила доктору кабинетом и спальней одновременно. Там мы даже искать ничего не стали: во-первых, неудобно было, во-вторых... И во-вторых, неудобно было! Личные вещи все-таки.

— А что мы ищем, в конце концов? — поинтересовалась я у Марата.

— Вот те раз! Как что? Результаты его опытов, понятное дело! Или подопытных животных. Слышала ведь, как он говорил ассистенту про «продолжайте инъекции» и про «такой экземпляр». Значит, есть какое-то существо, над которым они издеваются сейчас! И мы должны его увидеть собственными глазами!

— А ты думаешь, оно может быть внизу? Там же только гостиная и еще одна спальня...

— И кухня, — ядовито дополнил Марат. — А из трех этих комнат вполне можно соорудить целый зверинец.

— Да кто ж будет держать подопытных зверей на первом этаже? Кто угодно может увидеть через окно, скажем, если забудут задернуть штору, или просто зайти...

— Ну да, конечно, гости к доктору Вильберу табунами ходят. Да что мы с тобой спорим — пойдем и посмотрим!

— Тошно мне от всего этого, — призналась я, спускаясь по лестнице.

— От чего именно? — заинтересовался Марат.

— Да вот, лазить по чужому дому, тайком...

— Ха! А мне, думаешь, не тошно? Но что-то нужно же с этим делать!

— Нужно, — согласилась я. — Ну вот, пришли.

Но, вопреки ожиданиям Марата, доктор Вильбер не превратил свою гостиную и кухню в зоопарк. Там все было нормально, только маленькая комнатка, которая у нас в даче служила спальней для возможных гостей, была переделана в библиотеку. Доктор Вильбер основательно устроился в этом доме. Книг было много, но все названия такие мудреные, что мы опять же ничего не поняли... Кухня и гостиная совершенно обычные, как во всех домах.

Мы остановились в гостиной и призадумались.

— Ну, что? Домой? — спросила я Марата.

Он выглядел смущенным, что было на него совсем не похоже.

— Подожди. Ведь должно же тут что-то быть, не может ничего не быть!

Я сочувственно покачала головой. Честно говоря, я и сама была уверена, что мы что-то пропустили. И Марат раньше меня понял что!

— Подземный гараж! — крикнул он. Вернее, мне показалось, что он крикнул, потому что до этого мы говорили шепотом, а Марат сказал это в полный голос. Лицо его сияло. — Как же я раньше не догадался! Подземный гараж!

## 10

Во всех домах нашего поселка были подземные гаражи. Это довольно большое помещение, в которое можно попасть двумя путями. Первый путь — с улицы, через большие ворота. Второй — с кухни, через небольшую дверь, со стороны напоминающую дверцу шкафа. Она вела в небольшую кладовку, которая потом переходила в гараж. Это было страшно удобно, нечего и говорить: это давало возможность моей маме, например, не обегать вокруг дома, чтобы позвать отца за стол, а открыть дверь в кухне и завопить туда, что, мол, хватит уже копаться в этой старой развалине.

А доктор Вильбер в своем подземном гараже держал животных — это пришло в голову Марату, и я склонна была с ним согласиться.

Плечом к плечу мы двинулись в кухню. Я боялась только одного: что эта дверь будет закрыта... А ворота заперты наверняка!

Но доктор Вильбер был потрясюще легкомысленным человеком! Дверца действительно была закрыта, но на английский замок, который от-

крывался поворотом такого колесика. Причем врезан он был как-то загадочно — этим колесиком к нам, а скважиной для ключа — внутрь. То есть совершенно наоборот!

— То ли он собирался там баррикадироваться, — поделился со мной Марат, — то ли пытался сделать так, чтобы никто изнутри не мог открыть эту дверь. Тот, у кого нет ключа! Значит, там может быть человек!

Подогретые этой мыслью мы храбро шагнули в темноту. Я опять же помнила, где расположен выключатель, и щелкнула им. Скучный свет слабой лампочки озарил стены кладовки и сырую лестницу, ведущую вниз, в недра гаража.

Я сразу поняла, что Марат не ошибся. В гараже явно кто-то был.

До нас донесся запах зверинца — такой особенный, что его ни с чем перепутать невозможно. Нам слышались шорохи, вздохи, шаги...

Страшно было приблизиться к разгадке. Но не глупо ли повернуться и уйти на самом пороге тайны? Мы спустились в подвал.

Клетки стояли в два ряда, некоторые из них были занавешены темной тканью. Я не хотела смотреть, я боялась смотреть, но взглянула.

В первой клетке сидело животное... Я затрудняюсь сказать, кем оно было. Сначала оно показалось мне похожим на крупную кошку, но потом я с ужасом поняла, что у этой кошки есть пальцы на лапах — длинные, лишенные шерсти, как у обезьянки. Это было похоже на задачу «найди пять различий». Кошка сидела, как человек, и смотрела на нас.

— Ты кто? — решила спросить я.

Но кошка молчала, продолжая смотреть пристально, не мигая.

— Ты думаешь, она умеет говорить? — подал голос Марат.

— Не знаю... Мне показалось, что та рыба издавала какие-то звуки, очень похожие на речь. Но может быть, они еще не совсем люди?

— Ты думаешь...

И тут только я поняла, что выдала новую версию. Мы продолжали стоять у клетки с кошкой, и тут меня осенило:

— Послушай, Марат! А кто нам сказал, что доктор Вильбер делает из людей животных? Скорее всего, наоборот — он из животных делает людей!

— Занятная идея. — Марат явно был раздосадован, что не ему первому это пришло в голову, но не мог со мной не согласиться. — Да, пожалуй, так оно и есть...

Я торжествовала.

— Но тогда в его деятельности нет ничего криминального! Разве что общество по защите животных вступится...

— Потом поговорим. — Марат мрачно пресек мои излияния.

Что это с ним случилось? Но он прав, сейчас не до рассуждений.

Мы пошли дальше, и все более и более странные существа представляли перед нами. Я бы даже затруднилась их назвать: они уже утратили черты животных и постепенно превращались в людей, но каких людей! Ничего более ужасного я не видела! Огромная обезьяна — орангутанг, по-мое-

му, но я не уверена — была наиболее симпатичным персонажем в этой галерее, но обезьяны ведь и так похожи на людей.

...Человек-змея находился в стеклянном террариуме, занимавшем весь угол гаража. При виде его голой головы, немигающих глаз и жутко-спокойной улыбки я почувствовала, что мне не хватает воздуха. Колени у меня подогнулись, и все вокруг стало как на негативе. В ушах слышался какой-то жутко неприятный свист, и этот свист вызывал тошноту...

Кажется, я потеряла сознание, а очнувшись только от потока свежего воздуха, ударившего мне в лицо. Затхлые запахи подвала отступили. Я вдыхала аромат ночных цветов, горьковато-свежей зелени, мне хотелось спать, сладко дремать, купаясь в этом запахе.

— Лена, Лена, очнись! — Марат тормошил меня за плечо, безжалостно вырывая из сладкого оцепенения.

Я вспомнила, где мы находимся, и застонала.

— Давай, давай, приходи в себя. Не будешь же ты валяться тут в обмороке, пока не явится Вильбер?

Аргумент был весомый. Я открыла глаза.

— Вот и умница, вот и молодец, — похвалил меня Марат.

Только теперь я поняла, откуда шел свежий воздух. Когда я упала в обморок, Марат подтащил меня к крохотному оконцу, единственному в подвале, раскрыл его и наполовину высунул меня наружу. Окно находилось прямо на уровне земли, поэтому я чувствовала себя так, словно лежу на цветочной лужайке. Марат бережно втянул меня обратно.

— Ну что, не пора ли нам возвращаться? Помоему, вполне достаточно впечатлений на сегодня. Дома подумаем, что делать.

— Надо еще подумать, как убраться отсюда, — выговорила я. — Не хочешь попробовать через это оконце?

— Не хочу, — ответил Марат. — Я и тебя-то высунул туда с трудом, а у меня плечи гораздо шире твоих. Пойдем тем путем, каким пришли.

— Я не вынесу. Опять идти мимо всех этих клеток...

— Ерунда, вынесешь. Просто закрой глаза, а я поведу тебя за руку. Главное — не оставить никаких видимых следов! Вот, например...

Марат отстранил меня и захлопнул окошко. Сквозняк понесся по подвалу, раздался какой-то скрип... Дверь, ведущая из гаража, грохнула. Щелчок замка... Мы были в западне.

## 11

Несколько минут мы молчали. Глупо было предаваться громкому отчаянию — все равно бы никто не помог. Я неожиданно вспомнила, как редела в детстве, когда мне не давали то, чего я хотела, и когда мама подходила ко мне и начинала ругать, а я отвечала: «Я не тебе плачу, я папе плачу». Теперь же плакать было некому. Совсем некому.

— Боюсь, мне все-таки придется попробовать пролезть через это окно, — подал голос Марат.

Я взглянула на него и увидела, что он улыбается. Боже мой, он еще может улыбаться!



— Но... — Мне было трудно говорить, как после обезболивающего укола у зубного врача. Язык не слушался меня, и горло, казалось, обледело. — Но ты же говорил только что, что не можешь в него пролезть...

— Да, говорил. Но тогда я думал, что у нас есть еще выход. А теперь у нас его нет. И это я виноват. Я должен был как-то зафиксировать дверь.

— Не вини себя. Я тоже могла это сделать.

— Да. Но должен был это сделать я. Понимаешь разницу — ты могла, а я был должен! Потому что это я втравил тебя в это дело, и ответственность лежит на мне.

— Перестань, Марат. — Я почувствовала вдруг смертельную усталость. Она навалилась на меня как тяжелое ватное одеяло. — Никто меня не втравливал. Я сама это выбрала.

— Да, да, конечно. Давай все же попытаемся выбраться отсюда.

Марат открыл окно.

— Вылезай, — обратился он ко мне.

Я направилась было к окну, но остановилась. Что-то меня удержало. И я вдруг поняла, что Марат собирается сделать.

— Сначала ты, — и я отошла в сторону.

На лице Марата промелькнула досада.

— Нет, сначала пойдешь ты. Ты — девочка.

— Я поняла, что ты хочешь сделать. И ты меня не обманешь. Мы вместе пойдем домой. Или вместе останемся здесь и будем ждать, когда придет кто-нибудь и выпустит нас.

— Этот кто-нибудь почти наверняка будет доктором Вильбером. И как, по-твоему, он посмот-

рит на то, что мы вломились к нему в дом, прошли по всем комнатам и проникли в подвал? Как ему понравится то, что мы узнали его тайну?

Об этом мне думать не хотелось. Но я знала твердо: я не могу уйти и оставить Марата тут, в неизвестности. Он хороший друг и не заслужил такого отношения.

— Почему бы тебе все же не попробовать вылезти в окно? — начала я осторожно. — Ты решил, что не можешь этого сделать, но ты же и не пробовал!

— Ленка, да это дураку понятно! Боже мой, и зачем я накачивал себе мышцы? Был бы каким-нибудь дохликом, прошмыгнул бы в эту щель, какмышь...

— Ты постарайся. Сожми плечи так, как будто сутулишься, и вкручивайся, как штопор.

Я знала, о чем говорила: как-то, когда мама потеряла ключи, папа вот так же пролез сквозь форточку в нашей городской квартире. Все были ужасно удивлены, потому что форточка была маленькая. И папа рассказывал каждому, кто соглашался слушать, как ему удалось это сделать. Я и запомнила.

— Если ты так уверена, — наконец-то засомневался Марат. — Я, пожалуй, попробую. Да, я попробую. Только ты лезь вперед, чтобы подать мне оттуда руку...

— Нет, лучше я буду подталкивать тебя сзади, — заявила я, и Марат сдался.

— Ну, хорошо. Как мне лучше лезть — вперед ногами или головой?

— Лучше ногами. Вряд ли я смогу удержать

тебя, так что давай попробуем подтащить вон тот ящик. Ты обопрешься на него и вылезешь.

Марат покорно согласился. Похоже, он уже понял, что меня не переспоришь. Мы вдвоем подтащили к окошку тяжеленный ящик (чем он был набит — гантелями, что ли?), и Марат полез в окно. Вперед ногами.

Он был отчасти прав — плечи у него действительно застряли. Он пытался сжимать их, следуя моему совету, и вертелся как уж. Лицо его стало багровым — я это видела в полутьме подвала, — и дыхание рвалось со свистом.

— Ничего... не выйдет, — с трудом проговорил он.

— Отдохни чуть-чуть, — посоветовала ему я. — Отдохни и попробуй снова.

Марат расслабился немного и начал крутиться опять. Я не помогала ему, да и как ему поможешь? Не толкать же его в голову?

И — о чудо! Плечи наконец проскользнули в окно, и Марат оказался на воле! А я уже почти не верила в это!

Я вскочила на ящик и в ту же секунду оказалась рядом с ним. Марат тяжело дышал, сидя на траве.

— Я уж думал мне конец, — сказал он и покоился на меня. — Спасибо тебе.

— Не за что, — ответила я. — Да, но как же теперь быть с окном? И с этим ящиком?

— А что может случиться с окном и ящиком? — Марат, по-моему, так обрадовался нашему чудесному спасению, что совсем уж перестал соображать.

— С ними — абсолютно ничего! А вот угадай, что случится с доктором Вильбером, когда он уви-

дит этот беспорядок и поймет, что кто-то его навещал, а?

Марат только беспечно махнул рукой.

— А, чепуха! Все ученые рассеянные. Я думаю, он и не заметит беспорядка.

Пожалуй, он был прав. Во всех комнатах дачи мы особого порядка что-то не заметили. Наоборот, все было так ужасно разбросано, что если бы такое устроила в своей комнате, то моментально бы получила головомойку от мамы. Так что, быть может, доктор Вильбер действительно ничего не заметит...

Кстати, мне пришло в голову и еще одно обстоятельство.

— Идем, Марат, дома отдохнешь. Кстати, не думал ли ты, что твоя приятельница-собака как-то смылась от доктора? Может быть, даже через это окошечко?

— Да, точно. И это еще раз доказывает, что он растяпа. А рыба как? Тоже через окошечко?

— Этого я не знаю.

Тут мы полезли через подкоп, и нам пришлось замолчать: улицы мог обходить сторож, а в такой тишине любой шепот был очень хорошо слышен.

Только у самого дома я спросила Марата:

— Как ты думаешь, твоя мама не хватилась нас?

— Думаю, нет. Разве только твои родители просили ее поднимать тебя ночью, чтобы спросить, не надо ли тебе на горшок...

В другое время я бы обиделась, но теперь расхохоталась как ненормальная. Только смеяться пришлось шепотом, чтобы взрывы хохота не разнеслись по всему дому.

На этот раз, ложась спать, я сказала, как мне советовала мама: «На новом месте приснись жённых невесте». И мне приснился, разумеется, Марат. Мы с ним выпускали из клеток зверей, но это были не звери уже, а люди...

Марата я увидела, как только открыла глаза. Вернее, это он заставил меня проснуться — я бы сама дрыхла да дрыхла ещё. Но Маратик же жаворонок! Он тряс меня, как грушу.

— Ленка! Просыпайся, у нас катастрофа!

— Не слишком ли много катастроф за одно лето? — вздохнула я, садясь на постели. — Честное слово, меня это начинает утомлять. Я спать хочу!

— Да ты послушай только, что случилось! Я забыл у Вильбера свой фонарик!

— Что-о? — Сон с меня как рукой сняло. — Ну, ты идиот!

— Вот и я говорю — идиот, — понуро согласился Марат.

— Как же тебя угораздило?

— Когда мы вошли в кухню и стали открывать дверь, я положил его на кухонный стол. Ещё подумал, что надо не забыть. А потом ты включила свет, и все стало так интересно, что я, разумеется, забыл...

— Чучело ты огородное! Ну ладно, не переживай так. Будем надеяться, что доктор по своей рассеянности не заметит фонарика...

— Да, как же, не заметит! На кухонном-то столе!

— Ну и ладно! В конце концов, на нем не написано, чей он...

— Написано...

— Что? — Я ушам своим не поверила.

— Написано, — повторил Марат, понурившись. — Выцарапано на рукоятке: «Марат Быстров».

— И черт тебя дернул писать свое драгоценное имя на чем попало!

— Дернул, — угрюмо согласился Марат. — Он меня много на что дернул. Остается одна надежда, что Вильбер не разглядит букв. Они не очень-то глубоко выцарапаны, да и затерлись уже...

— Найдет фонарик — и буквы прочитает! Если увидишь у себя какой-нибудь непонятный предмет — что будешь делать? Крутить его в руках и разглядывать, ясное дело. Вот и он будет.

Марат подскочил как ужаленный.

— Мне надо туда вернуться и забрать фонарик!

— Не валяй дурака, Марат! — Я очень испугалась, что он и вправду туда побежит. — Сколько сейчас времени?

— Шесть.

— О, черт, и ты меня разбудил в такую рань? Не дури, он наверняка уже вернулся!

— А вдруг нет?

— Да тебя в любом случае заметят, когда ты будешь лезть через балкон! Уже рассвело!

— О, черт, что же делать?

— Да уж теперь делать нечего... Остается только верить в то, что он ничего не заметил. А если заметил, то не будет поднимать шума, чтобы не привлекать к себе внимания.

— Он может и не поднимать шума. А просто поймать меня в темном переулочке и прибавить к своему зверинцу.

— Значит, надо быть осторожнее. Не ходить темными переулочками...

Марат аж подскочил.

— И что же мне, до конца лета просидеть на даче под маминым присмотром?

— Кто тут собирается просидеть на даче под моим присмотром? Неужели ты, Маратик? — из-за двери донесся голос тети Лизы.

— Мать! — шепнул Марат, побледнев. — Интересно, много она слышала?

Дверь распахнулась, и вошла тетя Лиза.

— О, Елена, ты тоже рано встаешь? Или это ты, Маратик, не дал ей поспать? Иди отсюда, бесстыдник, пусть девочка встанет и оденется. Спускайся вниз, Ленуля, сейчас завтракать будем.

Марат вылетел из комнаты, и мне пришлось вставать и спускаться вниз.

Завтрак был великолепный, но я не смогла оценить его по достоинству, потому что ужасно волновалась. В самом деле, нам слишком долго все сходило с рук, но на этот-то раз что-то случится — чуяло мое сердце и совершенно правильно чуяло!

Время после завтрака было затишьем перед грозой. Мы валялись на лужайке перед моей дачей, изнывая от дурных предчувствий, когда раздался голос тети Лизы:

— Лена! Маратик! Идите сюда — к вам гости!

— Кто бы это мог быть? — подскочила я, а Марат медленно встал.

Взглянув на него, я сразу поняла, кто к нам пришел, — такое у него было лицо.

Собрав пледы, мы поплелись к даче Марата. И точно, возле дома на скамейке сидел доктор

Вильбер с тетей Лизой. Они о чем-то беседовали. Увидев нас, тетя Лиза вскочила, встал и доктор Вильбер.

— Маратик, доктор пришел тебя навестить. Побеседуйте тут, а я пойду на кухню...

Доктор Вильбер протянул Марату руку, и тот пожал ее. Я не знала, что мне делать: уходить или остаться? Вроде бы меня не звали, но уйти и бросить Марата с этим человеком я не могла. И тут доктор обернулся ко мне.

На этот раз он произвел на меня более приятное впечатление — на нем были голубые джинсы, белая рубашка и глаза за стеклами очков уже не показались мне ледяными. Обычные глаза, только немного грустные.

— Подождите, молодая леди, я и к вам тоже пришел. — Доктор улыбнулся мне, и я отчего-то не смогла не улыбнуться в ответ. — Это, кажется, вы у меня забыли? — Вильбер вынул из кармана и протянул нам злополучный фонарик.

В эту минуту мне больше всего хотелось провалиться сквозь землю. И Марату, я думаю, тоже, потому что он потупился и, не глядя на доктора, взял фонарик.

— Насколько я понял, вы решили нанести мне визит в мое отсутствие. Позволено ли мне будет узнать, чем я заслужил ваш интерес?

Мы молчали, как партизаны на допросе. Доктор оглядел нас.

— Не хотите отвечать? Да я и сам догадываюсь, в чем дело. Но все же мне хотелось бы с вами поговорить.

Тут я решилась. Если он сам пришел к нам, да еще говорит дружелюбно — чего стесняться?



— Пойдемте ко мне. У меня родители уехали, никто не помешает нам.

Марат удивленно взглянул на меня, но я развернулась и пошла к своей даче, а доктор Вильбер с Маратом — за мной.

Я усадила их в гостиной, сама пошла на кухню и принесла холодного яблочного сока в высоких стаканах, печенье — в общем, сделала все, чтобы выглядеть гостеприимной хозяйкой. Потом села на диван. Марат с доктором по-прежнему молчали.

— Насколько я понял, — нарушил молчание Вильбер, — вы, Марат, все же успели рассмотреть, кто на вас напал в тот памятный вечер.

Марат кивнул.

— И очевидно, сделали далеко идущие выводы? Снова кивок.

— Не только это, — встряла я.

Вильбер взглянул на меня, и я смутилась.

— Я хочу сказать, мы еще видели рыбу...

— Рыбу? — удивился доктор, и мне стало жутковато. Ведь если он ничего не знает о ней, значит, человек-рыба — не его порождение...

— Опишите мне получше, что вы видели, — попросил он. — Я понимаю, вам, может быть, тяжело об этом вспоминать, но постарайтесь...

Я начала собираться с мыслями, но тут вмешался Марат. Он совсем пришел в себя от потрясения и теперь был настроен весьма боевито.

— А можно узнать, почему это мы обязаны давать отчет в том, что видели и знаем? Вы-то, собственно, кто такой и чем занимаетесь?

Я обомлела. Я очень испугалась, что доктор

рассердится, но этого не случилось. Наоборот, он рассмеялся, как мне показалось, с облегчением и откинулся на спинку дивана.

— Хорошо, мои любознательные друзья. Я расскажу вам о себе.

## 12

— Мне придется говорить как можно более простыми словами. Вы, наверное, сами понимаете, что то, чем я занимаюсь, — очень сложная проблема. Очень сложная. До такой степени, что в институте, где я раньше работал, меня не поняли и отказались финансировать мои опыты. Более того, запретили мне их проводить. Но время рассудит нас. Я считаю, что проблема, которой я занимаюсь, очень важна, и постепенно человечество оценит то, что я делаю.

— Вы думаете, мы поймем? — перебил Марат.

— Я очень постараюсь, чтобы вы поняли. Очень постараюсь. Поэтому мне придется начать издалека. Человек разумен, и в этом его великое преимущество перед остальным животным миром. Мы не будем обсуждать, что дало человеку разум. Многие считают, что это Бог, другие — что эволюция или еще что-то... Но в любом случае эта сила лишила человека иных качеств. Он не может видеть в темноте, как кошка, и не имеет такого тонкого нюха, как собака. Человек не может регенерировать поврежденный орган, как ящерица. Он не может летать, как птица... Да и много чего еще не может.

— А для чего все это нужно? — опять встрял Марат. Глаза у него горели. — Для чего все это нужно человеку, если есть приборы ночного видения, и самолеты, и всякие еще приборы и устройства? Разве человек с помощью разума не компенсировал все, чего его лишила эта, как вы говорите, сила?

Я и не знала, что Марат знает такие умные слова...

— Да! Совершенно верно! — подскочил доктор. — Человек, без сомнения, добился всего с помощью разума. Но его возможности даже в этом смысле весьма ограничены. Устройства имеют обыкновение ломаться и, кроме того, порядком расшатывают экологический баланс нашей планеты. Они чужды природе, и природа отторгает их, как может. И вот я решил...

— Вывести полулюдей-полуживотных, — подсказала я.

— Умница! Только ты немного ошиблась. Полуживотных-полулюдей. Я хочу сказать, что пока у меня нет возможности и морального права проводить подобные эксперименты на людях. Потому я провожу их на животных. С некоторыми плодами моих экспериментов вы уже ознакомились.

— Да уж. — Я содрогнулась, припомнив человека-удава, а посмотрев на Марата, поняла, что ему тоже не по себе.

Но доктор, казалось, не заметил нашей реакции.

— Я вводил человеческий материал в материал животных, и дело шло на лад. Использовал я прежде всего свою ДНК. Вы видели, вероятно,

у меня в операционной генератор — он похож на две стеклянные будочки. Я добился успеха за самый короткий срок, но тут передо мной встала проблема морального плана. Как обращаться с этими животными, которые фактически уже стали людьми? Я говорю «фактически», — подчеркнул он, — ведь что-то мешало им стать людьми на самом деле.

— Немудрено, — пробормотал Марат, и доктор обернулся к нему.

— Что ты имеешь в виду? — спросил он холодно. — Неужели ты хочешь сказать, что догадался... Догадался, что мешало им очеловечиться окончательно? Только, Бога ради, не приводи мне примеров из фантастической литературы. Я тоже читал и Булгакова, и прочие псевдонаучные измышления.

— Ну, если вы считаете... — смущенно начал Марат, но заткнулся.

— Да нет, продолжай. Я буду рад выслушать твоё мнение.

— Они не смогли стать людьми, потому что у них нет души...

— Души? Ну-ка, ну-ка, интересно. — Доктор удобнее устроился в кресле. — Не ожидал я, что молодое поколение оперирует такими терминами.

— Я тоже верю, что у человека есть душа, — наконец решилась сказать я. — И тоже считаю, что вашим... м-м... созданиям не хватало именно этого.

— Занятно... Я ученый, мои юные друзья, и всегда считал существование души фикцией. То есть величиной не физической, а скорее морально-нравственной.

— Я не очень хорошо понимаю, о чем вы сейчас говорите, — вздохнул Марат. — Но хочу сказать одно: у ваших творений не было души, поэтому они не могли стать людьми и были несчастны.

— А ты уверен, что они несчастны? — удивился доктор. — И ты, малышка, тоже так думаешь?

От «малышки» меня немного покорибило, но я не стала возникать.

— А разве вы сами не замечали этого?

— Пожалуй, да. То есть я замечал у многих особей наличие депрессивного состояния, несвойственного животным. Животные грустны, только когда болеют. Некоторые из них. — заметил доктор, уловив мой отрицательный жест, — разумеется, способны испытывать эмоции вроде человеческой тоски — скажем, собаки в случае смерти хозяина. Но это редкость. Так вот, кроме депрессии, я наблюдал еще всплески агрессии... Но я намерен этим заняться, выяснить причины таких инцидентов и сделать все возможное, чтобы их устранить. Скажем, то существо, которое по недосмотру ассистента сбежало из лаборатории и покусало тебя, Марат. И не только оно. Кстати, о какой рыбе вы твердили?

Мы с Маратом, перебивая друг друга, заговорили о нашем речном чудище.

— Странно, очень странно, — заметил доктор. — Впрочем, я допускаю, что по рассеянности... Но не припомню такого случая. А Впрочем, позвольте! Это был один из первых экспериментов с холоднокровными, мне показалось, что он не удался, и я, очевидно, по неосторожности вме-

сте с погибшими экземплярами выбросил и живой... В любом случае, это очень занятно, и мне бы хотелось посмотреть на него. Возьмете меня с собой на это озеро?

Марат кивнул, а я промолчала. Несмотря на то что так легко и просто объяснилась наша страшная тайна, мне было не по себе. Пока я еще не знала почему.

— Ну вот теперь, — заявил доктор, поднимаясь, — когда мы выяснили отношения и я оказался не кровожадным монстром, а всего лишь безобидным ученым, я надеюсь, что мы останемся друзьями. Приглашаю вас ко мне в гости — не тайком и через балкон, а на легальном основании. Заходите, мы побеседуем. Если вас это интересует — а я вижу, что вы любознательные люди, — я готов делиться с вами своими наблюдениями. Буду очень рад.

Доктор Вильбер пожал Марату руку, шутливо поклонился мне и ушел. А мы остались.

— Что ты обо всем этом думаешь? — спросил Марат через некоторое время.

Я пожала плечами.

— Не знаю. Он, конечно, не сумасшедший ученый в прямом смысле этого слова. Но все-таки с головой у него, по-моему, не все в порядке. Какой бы нормальный человек стал этим заниматься?

— С нормальными людьми скучно, — поморщился Марат. — Я так понял, ты не хочешь с ним общаться и не пойдешь к нему?

— Не знаю...

Мы еще помолчали.

— А я пойду, — заявил Марат. — Где еще можно поговорить с таким человеком? Да и, кроме того, он обещал сделать что-то, чтобы звери не грустили.

— Разве обещал? Я не помню.

— Обещал-обещал! Ну подумай, Ленка, разве можно такое упускать? Да один разговор с ним равен высшему образованию!

С этим я спорить не стала. Но все равно мне было жутковато, сама не знаю почему.

— По-моему, он все-таки не в себе, — заявила я, и на этот раз Марат мне не возражал.

Если не считать легкого неприятного осадка, оставшегося после разговора с доктором, я была почти счастлива. Как хорошо все же, что кончилась эта дурацкая история, как хорошо, что не нужно больше бояться, прятаться и бегать по ночам, рискуя нарваться на крупные неприятности! Даже немного скучновато стало, но это ненадолго. Мы с Маратом сразу же вошли в привычный ритм дачной жизни и некоторое время не думали о докторе вообще. До того прекрасного утра, когда Марат заявил мне о своем желании навестить нашего нового знакомого.

Я была против. Не знаю почему, но мне не хотелось его видеть. Я знала, что он очень умный, что общение с ним пойдет нам на пользу во всех смыслах, и все же мне не очень хотелось его видеть. Я пыталась отговорить Марата, но тот уперся, а мне не хотелось отпускать его к доктору одного.

Кончилось тем, что он меня уломал и мы пошли вместе.

Когда мы подходили к воротам Черной Дачи, колени у меня были как из песка. Тошно, ох тошно! Но любознательный Марат тянул меня за собой.

На звонок вышел ассистент доктора — тот самый смуглый парень, от которого так балдела Светка. Он действительно оказался очень симпатичным и встретил нас приветливо. Выслушав сбивчивые объяснения Марата, проводил в гостиную, дал по стакану кока-колы и велел ждать доктора, который сейчас занят, но скоро, очень скоро освободится. И верно, доктор спустился в гостиную через несколько минут, довольный и сияющий.

— Я решил прислушаться к вашему совету, — начал он, не тратя времени на приветствия. — Разумеется, я подошел к нему с позиции ученого... Сейчас у меня мысль: провести эксперимент на примате. Собственно, я его начал уже давно, но сейчас меня заинтересовало, будет ли примат, эмоции и чувства которого максимально приближены к человеческим, испытывать ту же депрессию, что и другие животные. Надеюсь, через неделю я смогу ознакомить вас с результатами моих опытов, и тогда посмотрим, кто из нас прав...

— Конечно-конечно, — пробормотала я.

Мне вспомнилась симпатичная обезьяна в клетке и стало ее жутко жаль. Что-то с ней сейчас делали в той сверкающей операционной?

Доктор между тем продолжал:



— Помните, вы обещали мне показать ту рыбу, которая, по вашим словам, пыталась пойти с вами на контакт, да еще и жаловалась при этом? Мне бы хотелось ее увидеть. Сводите меня туда?

— Да, конечно, — поспешил ответить Марат и обернулся ко мне с сияющим лицом. — Ленка тут как раз жаловалась, что ей не хватает ночных вылазок...

— Ничего я не жаловалась! — возмутилась я от такой явной лжи. — Я прекрасно обойдусь без них. Но с вами схожу. Мне и самой любопытно. Только надо это делать скорей, пока мои родители не вернулись, а то, если они узнают, такой шум поднимется...

— Стоп-стоп-стоп! — Доктор Вильбер, смеясь, протестующе поднял руки. — Да зачем же тайком? Просто скажем вашей, Марат, многоуважаемой матушке, что я беру вас с собой, под свою ответственность, на берег озера ночью, чтобы провести какие-нибудь наблюдения... Как вы думаете, отпустят?

— Ну, конечно! — подскочил Марат. — Конечно, отпустят! Давайте тогда прямо сегодня, если вы свободны!

— Хорошо, можно и сегодня. Так, значит, договорились — вечером я зайду за вами и попрошу вас. Ну, а теперь...

Я поняла, что пора уходить, и потянула Марата за руку. Тот немного насупился: он, очевидно, ждал, что доктор поведет нас в операционную и будет посвящать в тайны своих занятий. Но он, как видно, не собирался этого делать, да я, признаться, и не горела желанием снова туда попасть.

Что и говорить, на озере было гораздо интересней.

Доктор Вильбер пришел, как и обещал, около шести и отпросил нас у тети Лизы.

— Конечно-конечно! — согласилась она. — Я, признаться, только рада. Они носятся целыми днями, только и знают что свой теннис и эту ужасную музыку. Книги совсем позабросили, заниматься не хотят, ничего им не интересно! Леночка умная девочка, а вот Маратик такой шалопай...

— Я уверен, что это не так, — с улыбкой произнес доктор Вильбер, слегка поклонившись. — Он очень любознательный подросток.

— Ну, уж не знаю. Но буду очень рада, если вы приохотите их к науке.

Итак, мы свободны!

По дороге доктор Вильбер с Маратом беседовали, но я не вникала в смысл их разговора. Мне было не по себе, и дурные предчувствия мучили меня. Чего я опасалась, сама не знаю. Но все как-то изменилось с тех пор, как мы с Маратом вдвоем ходили на берег озера, и мне чудилась какая-то недобрая сила, исходящая от доктора. Мне хотелось предупредить Марата об этом, но он наверняка не поверил бы мне и просто посмеялся надо мной, хотя имел уже случай убедиться, что мои предчувствия оправдываются. Однако я не могла поговорить с ним: он ни на шаг не отходил от нашего спутника. Ему было приятно, что взрослый, образованный человек говорит с ним на равных.

На этот раз нам пришлось ждать долго. Я даже подумала, что ничего не произойдет, и прикор-

нула на плече у Марата, но через некоторое время проснулась. Марат тоже дремал, положив голову на колени, но доктор Вильбер продолжал сидеть, точно статуя. Он не сводил напряженного взгляда с озера. И вдруг раздались знакомые звуки — существо всплыло из глубин озера и приближалось к нам, шлепая по воде и тяжело дыша. Мне не было страшно — я как-то привыкла к подобным явлениям, да и знала уже, что ничего опасного в этом нет. Марат так и не проснулся, а вот с доктором творилось что-то непонятное. Он весь напрягся, вытянул шею, а правая рука его судорожно шарилась в кармане. Луны не было, и я не могла рассмотреть выражение его лица, не могла я увидеть и того, кто приближался к нам по воде — только темную тень.

Но вот доктор встал и что-то вытащил из кармана — небольшой черный предмет. Не спеша, словно в замедленной съемке, поднималась его рука. И тут я успела понять, что именно он держит. Я прыгнула вперед, схватила его за руку и сильно дернула вниз. Грохнул выстрел, и воцарилась тишина. Только всплеск послышался издалика: это ушло на глубину вновь обиженное существо...

Только теперь проснулся Марат. Соня несчастный!

— А? Что здесь случилось?! — допытывался он.

Мы с доктором Вильбером стояли и смотрели друг на друга.

— Зачем ты сделала это? — тихо спросил он меня, и тут меня прорвало.

— Нет, зачем вы сделали это? Вы обманули нас!

Вы сказали, что хотите только посмотреть на него, а сами задумали его убить!

— Та-ак, — произнес за моей спиной Марат.

— Поймите, ребята, — сказал доктор Вильбер, и мне вдруг стало ясно, что он очень старый человек, гораздо старше, чем кажется. — Поймите, оно не может жить на воле. Оно не нужно природе. Нарушается баланс... Одним словом, я не имею права подарить жизнь этому существу, кем бы оно ни было...

Я могла это понять, если бы подумала подольше. Но тогда ярость ослепила меня, и я не хотела больше думать.

— Пошли! — сказала я Марату и повернулась напоследок к доктору: — Убийца!

И мы с Маратом побежали на холм.

— Может быть, он и прав, — сказал Марат, когда мы уже пришли домой и сидели в моей комнате. — Понимаешь, хорошо, что это мы его обнаружили. А если бы кто-нибудь другой? Он бы испугался до смерти! А потом это существо поймали бы и стали изучать... В таком случае убить его даже гуманнее...

— Тоже мне, гуманисты отыскались!

— Я понял: ты просто испугалась оружия. И еще тебе обидно, что доктор обманул нас.

— Не только поэтому. Вот пока мы с тобой шли домой, я тоже думала, что только поэтому. А сейчас поняла — только не смейся, — сейчас поняла, что я привязалась к нашему чуду морскому...

Марат смеяться не стал, но сел на стул и обалдело уставился на меня.

— Брось говорить ерунду! Как можно привяз-

заться к такому уроду? Да ты и не видела его толком ни разу! Или ты просто вообразила себя Настенькой из «Аленького цветочка»? И думаешь, что если поцелуешь его, то оно превратится в прекрасного принца?

— Глупый ты все-таки, — вздохнула я. Ничего я такого не думаю и никем себя не вообразила. Но ты только представь, как холодно и одиноко этому существу в озере! Оно ведь совсем, совсем одно, он и не рыба, и не человек, и ему не с кем общаться, да оно и не знает толком, кто он такой! У рыбы жизнь простая — плавай там себе, кушай целыми днями и грейся на солнышке...

— Размножайся... — подсказал Марат, хихикнув.

— Ну, и размножайся! А ему так одиноко! Как ты только не понимаешь?

— Да понимаю я. — Марат посерьезнел. — Теперь я понимаю, почему его так к нам тянуло.

— Вот именно! Только мне интересно, его только мы видели или кто-то еще, да помалкивает?

Марат призадумался и помотал головой.

— Вряд ли. Скорее всего, только мы. Ты сама подумай, все ходят купаться днем. Днем оно не показывается — боится, наверное, или образ жизни у него такой. А ночью кто пойдет на озеро, кроме нас? Разве что пьяная компания, так у них крики, музыка, костер горит. Разве оно выйдет, такое пугливое?

— Его и Волк тогда напугал, а теперь еще этот доктор... Интересно, он понимает, что его хотели убить, или просто шума испугался?

— Этого я не знаю. Но ты все же зря так на доктора. Понимаешь, он ученый, у него голова по-другому работает.

— Да мне наплевать, как она у него работает! Я не хочу, чтобы он его убил, и все тут!

— Кто кого собирается убивать? — В дверях бесшумно, как всегда, появилась тетя Лиза, и мы с Маратом вздрогнули.

— Доктор Вильбер экспериментирует на мышках, — сразу нашелся Марат. — А Ленке мышек жалко.

— А-а, мышек... Да, Елена, мышки — вечные жертвы науки. Но мне кажется, вы вполне можете обсудить эту проблему и завтра. Утро вечера мудренее.

Это был намек на то, что пора разбежаться по постелям. Марат ушел, а я еще долго размышляла, глядя в потолок. Белые мышки... Да, мне жалко белых мышек. А ведь тут речь идет почти что о людях!

Прошло еще два дня. К доктору Вильберу мы не показывались, и он сам к нам не приходил. Я высказала Марату опасение, что он все же пойдет ночью на озеро и убьет то существо, но Марат только огрызнулся:

— Что ты предлагаешь? Наладить там круглосуточное дежурство?

Я обиделась и решила больше не поднимать этой темы. А через день приехали мама с папой.

Они были веселые и загорелые! Я даже на минуту пожалела о том, что не запросилась ехать вместе с ними, но одновременно почувствовала какое-то удовольствие: я не на пляже валялась,

а занималась расследованием, серьезным и даже опасным! Жаль, что им нельзя было ни о чем рассказать даже сейчас, когда все вроде бы кончилось, — они бы не поняли, это точно. Но родители, кажется, и так о чем-то догадывались, потому что причитали надо мной, особенно мама.

— Елена, мы больше не будем оставлять тебя одну! Надо же, и времени всего ничего прошло, а ребенка как подменили! Повзрослела как-то, похудела, глаза печальные... Скучала?

— Конечно, скучала, — отвечала я со вздохом.

— Ну вот! — накинулась мама на отца. — А ты мне твердил: «Не волнуйся ты так, она там с Маратиком носится как сумасшедшая по всей округе, из озера не вылезает и в теннис играет!» А ребенок тут скучал, ночей не спал...

Да уж, насчет ночей — сущая правда...

Я не помню точно, когда это началось — во всяком случае, через несколько дней после приезда мамы с папой. Марат начал пропадать. Не скажу, что он и раньше безвылазно торчал возле меня — у него были в поселке друзья-мальчишки и какие-то свои игры и развлечения... Но виделись мы с ним каждый день. Показывался хоть на полчаса, чтобы перемолвиться парой слов. Но вот он как-то не пришел, и я этого даже сначала не заметила: мы с мамой шили платье к моему дню рождения, пришлось ехать в город к портнихе на примерку, потом ходили по магазинам, я зашла к парочке своих подруг... На дачу приехали засветло, но я так устала, что ни о каких развлечениях у меня и мысли не возникло — сразу завалилась спать. Только утром мне пришло в голову, что Марат не прихо-

дил, и я удивилась. Но не сильно. А потом завалилась в гамак с новой книжкой Стивена Кинга, зачиталась и забылась, потом папа позвал меня на прогулку в лес разведывать земляничные места... А Марат опять не пришел. На следующий день я зашла к нему сама, но тетя Лиза сказала, что он, как всегда, встал на заре и убежал куда-то, едва успев перекусить. А куда — она не знает.

Он появился только на четвертый день, когда я уже решила на него обидеться. Тоже мне, друг называется! Но, увидев его, так обрадовалась, что не сумела соорудить обиженную физиономию.

— Ты где шлялся? — спросила я, пытаюсь согнать с лица улыбку.

— Так... — туманно ответил Марат, и я поняла, что он не хочет говорить мне, где он был. Но это еще больше распалило мое любопытство.

— Нет, серьезно?

— Ну, предположим, у доктора Вильбера, — ответил Марат и вдруг ошетинился: — А что это ты мне допрос устроила?

Мне стало обидно, но я виду не подавала и только пожала плечами.

— Какой еще допрос? Просто спросила. А что ты сразу злишься? Может, доктор с тобой сделал что-нибудь, что у тебя всплески агрессии начинаются?

Вот этого мне говорить явно не следовало. Марат ничего не ответил, только глаза у него стали, как у удава, он повернулся и быстро пошел к своему дому. Я этого не ожидала и чуть было не рванулась за ним, но взяла себя в руки. Еще чего! Если этот доктор-живодер ему дороже, чем я, так пусть с ним и общается!



На следующий день мы уехали на недельку в город. У мамы были там какие-то дела, а я просто напросилась с ней, чем немало ее удивила: обычно я неохотно уезжала с дачи, а вот теперь... Но дачный отдых стал мне не в радость после того, как я поссорилась с Маратом. Сейчас я уже жалела, что оттолкнула его, когда он пришел ко мне, но делать было нечего — не идти же к нему с повинной?

Впрочем, в городе оказалось не так уж и скучно, как я ожидала. Я встретила своих подруг, мы славно пообщались, и я почти забыла о Марате и о своей обиде. Почти, но не совсем. А помешал мне забыться сон...

Сны вообще имеют для меня большое значение. Жаль только, что никто не хочет слушать, какой я сон увидела. Никому не интересно. А я вот очень люблю слушать, кому какой сон приснился, и про свои рассказывать тоже очень люблю. Но вот про этот сон я бы и вспоминать не хотела никогда!

...Мы снова были на Черной Даче, в самом жутком ее помещении — в подземном гараже. Мы снова шли по узкому проходу между двумя рядами клеток, но из них на нас глядели не звери, а люди с измученными, искаженными страданием лицами. Я обернулась, чтобы что-то сказать Марату, но между нами вдруг упала железная решетка, и Марат оказался в западне...

Утром я решительно засобиравшись на дачу, хотя еще вчера мы с подругами планировали поход на

дискотеку. Мама ужасно удивилась, но не стала мне противоречить, а так как у нее еще оставались дела в городе, она просто помогла мне собраться и проводила до автобуса.

Я не помнила, как доехала до дачного поселка. Я была уверена, что с Маратом произошло какое-то жуткое несчастье, и не находила себе места. Пассажиры поглядывали на меня с удивлением и сочувствием.

— Что с тобой, девочка? — наклонилась ко мне моя соседка, пожилая женщина в очках с тонкой оправой, похожая на учительницу. — Тебе нехорошо? Может быть, надо помочь?

— Нет-нет, спасибо...

Ей-богу, мы никогда не приедем!

Но все когда-нибудь кончается, кончилась и эта поездка. Я сошла на нашей остановке. Никто не встречал меня — ведь мой отъезд решился так быстро, что мы не успели предупредить папу! Но сегодня выходной день, значит, он на даче или где-нибудь поблизости... Скажем, на озере. При мысли об озере у меня на лбу выступил холодный пот. Я вспомнила ту ночь, когда увидела пистолет в руке доктора Вильбера. Он собирался убить невинное существо, пусть ненужное, но и не представляющее опасности, хотел убить так хладнокровно и равнодушно, как будто ромашку сорвать! И еще больше испугалась за Марата.

Я почти побежала по узкой тропинке, ведущей к дачам. Вот и наш дом виднеется среди листвы... Но я не повернула к нему, а сразу побежала к дому Марата. Плевать на нее, на гордость, мне надо знать, что с ним произошло!

— А, Леночка вернулась! — поприветствовала меня тетя Лиза, полулежащая в шезлонге в тени.

Я остановилась. Вряд ли бы она стала мне так радоваться, если бы с Маратом что-нибудь случилось! И я тут же обозлилась на себя — надо же быть такой суеверной! Неслась, как дурочка...

— А Марат дома? — спросила я после беседы о моих делах, о делах моей мамы и о московских новостях.

— Дома, дома... Ему что-то нездоровится, перекупался, наверное. Беги к нему.

Перекупался? Да с тех пор, как мы обнаружили, что в озере живет не только рыба, Марат туда и ногой бы не ступил! Перекупался... Значит, не обманули меня предчувствия.

Я поднялась по лестнице и толкнула дверь в спальню Марата, даже не догадавшись постучать. Но он на меня не рассердился — наоборот, бросился навстречу и схватил за руку.

— Ленка! Как хорошо что ты приехала! — воскликнул он, совсем забыв, очевидно, что перед моим отъездом мы поссорились.

Тут во мне взыграло чувство собственного достоинства — как всегда, некстати. Я высвободила руку.

— Приятно, что ты мне рад. Но твоя мама сказала, что ты болен, а ты выглядишь совершенно здоровым...

— Да я ей наврал! Понимаешь, она могла бы заинтересоваться, чего это я сижу дома, а раньше пропадал с утра до ночи... Вот я опустил градусник в чай, а потом...

Но меня эти методы прикинуться больным

мало интересовали — в этом я и сама профессор.

— Отчего же ты теперь сидишь дома? — поинтересовалась я, перебив Марата.

Тут он, очевидно, припомнил кое-что и виновато заморгал глазами.

— Как тебе сказать... В общем, мы с доктором потеряли общий язык.

— Да что ты говоришь! — произнесла я, кажется, довольно ехидно.

— Да. Только ты не издевайся, хорошо? Я без тебя ужасно скучал!

Я удержала очередную колкость, которая была уже готова сорваться у меня с языка, и спросила:

— Что же произошло?

— Понимаешь, сначала он меня допускал к экспериментам, все показывал и объяснял. Мне было ужасно интересно. Тогда я и забыл о том, что... ну...

— Старый друг лучше новых двух, — подсказала я.

— Точно! Но со временем доктор стал от меня что-то скрывать. Он даже и не скрывал, что что-то от меня скрывал. Тьфу, совсем запутался. В общем, к опытам он перестал меня допускать и отговаривался тем, что раньше были шуточки, а теперь началось серьезное дело и ему нужно максимально сосредоточиться. А еще говорил, что готовит сюрприз... Я один раз пришел, а он меня не впустил, и я понял, что навязываюсь. Мне это на фиг не надо, решил я, и несколько дней туда вообще носа не совал! А вчера пошел, и... — Тут Марат понизил голос до шепота. — Он был

какой-то странный, Ленка! Он смотрел на меня, как будто не мог вспомнить, кто я такой, а потом наорал на меня и захлопнул дверь, понимаешь? Но я не этого даже испугался, а того, что он как-то чудно выглядел и говорил тоже чудно...

Я пожала плечами.

— Не вижу ничего удивительного. Если он сумасшедший, как я тебе говорила раньше, то у него могут быть периоды прояснения и периоды помутнения. А кроме того, он может быть и пьяницей, и наркоманом, и еще Бог знает чем!

— Не знаю, — вздохнул Марат. — Ты, конечно, все правильно говоришь, но мне почему-то кажется, что он ни то, ни другое и ни третье. Что-то случилось, Лена, что-то случилось!

О Господи, и когда это кончится...

— Хорошо, — сказала я. — Давай тогда сходим к нему вместе и посмотрим, что он там делает. Самое худшее, что может произойти — это то, что он нас выгонит и обругает. Но тогда я, по крайней мере, своими глазами увижу, что с ним происходит. Идет?

Честно говоря, мне уже порядком осточертела эта история. Ничего таинственного в занятиях и поведении доктора Вильбера я не видела, и потому они перестали меня занимать. Но раз Марат в такой панике и так переживает — надо ему помочь.

— Пойдем тогда прямо сейчас, — заторопился Марат.

— Да ты что, я ведь только что приехала и сразу к тебе, даже домой не зашла! А впрочем, папа ведь все равно не знает, что я должна вернуться...

Ладно, пошли! Лучше сразу разделаемся с этим неприятным делом.

Марат слетел за мной по лестнице и напугал тетю Лизу, которая по-прежнему сидела в шезлонге.

— Маратик, ты куда? Ты же болен.

— Уже все прошло, мама!

— Да? — удивилась тетя Лиза, но тут же просила и погрозила Марату пальцем: — Хитрюга ты, хитрюга! Расхандрился просто без подружки своей, а она, видишь, приехала и враз тебя на ноги поставила! Ладно уж, бегите...

...Черная Дача совсем не изменилась — да и что ей было меняться? Она же не человек. Все вокруг было так же мрачно, и мы с Маратом подходили к ней с той же дрожью. Но Марат сумел преодолеть страх и постучался в дверь.

Нам открыли не сразу. Я даже успела подумать, что доктора нет дома, и обрадоваться, когда за дверью послышались неровные шаги. Так мог бы идти пьяный. Но доктор, открывший нам дверь, пьян не был, хотя и выглядел, надо признаться, довольно странно. Он ужасно изменился за то время, пока я его не видела. Лицо его избородили глубокие морщины — или они и раньше были, а я просто их не замечала? От носа к углам губ протянулись две складки, веки были опухшие, и глаза запали. Он смотрел на нас точно так же, как описывал Марат, — словно бы не вполне узнавал. Наконец посторонился и сказал:

— Проходите...

Голос у него тоже изменился: он был глухой, дребезжащий и какой-то ржавый, как старая консервная банка.

Мы вошли, и я снова поразилась. На даче царил настоящий бардак. Просто свинарник какой-то! Еще в прихожей на полу были разбросаны какие-то бумажки, фольга, банановая кожура и очистки яблок. А в комнате было вообще страшно глядеть по сторонам — везде валялись вещи, и очень много было объедков, словно тут проходила большая вечеринка и после нее не убрали. Пластиковые бутылки с пепси-колой, все в жирных отпечатках, тарелки, на которых остатки всякой еды были тошнотворно перемешаны, огрызки фруктов... Я замерла на пороге, и у меня закружилась голова, но доктор Вильбер, казалось, не заметил этого.

— Ребятки, хорошие ребятки... — вдруг произнес он хрипло, и лицо его странно исказилось, словно что-то под кожей жило самостоятельной жизнью, пытаясь вырваться наружу...

Мы замерли. Я и не предполагала, что возможен такой ужас. Все, что было раньше, показалось мне просто страшилками про гроб на колесиках.

— Ребятки... — продолжал Вильбер все тем же скрипучим голосом. — Пришли зверей посмотреть, да? Я покажу вам зверей, покажу! — И вдруг как-то страшно, неестественно выгнувшись, подпрыгнул, словно его толкнула какая-то неведомая сила.

Он схватил нас за руки и потащил за собой, а мы даже не могли сопротивляться, такой железной хваткой он сжал наши руки. Я увидела мельком лицо Марата — мертвенно-бледное, странно запрокинувшееся, и поняла, что он вот-вот потеряет сознание.

Это чудовище, которое я не могла даже назвать человеческим именем, втащило нас в кухню. Там, прямо на разделочном столе, лежало — что? Мне показалось сначала, что это просто кусок мяса, но потом я разглядела маленькую мордочку, ощеренный в предсмертной муке рот, маленькие лапки... На столе лежала выпотрошенная белка, а вокруг были разбросаны хирургические инструменты доктора...

Он втолкнул нас в подвал и захлопнул дверь.

— Посмотрите пока на зверят! — донесся из-за двери его голос. — Посмотрите, а потом мы приступим к операции, да-да, приступим. — Голос его удалился.

— Все, — сказал Марат и сел на ступеньку. Его лицо постепенно принимало нормальный оттенок. — Все кончено. Мы погибли.

— Марат, приди в себя, — затормошила я его. — Здесь же есть окошко, ты помнишь? Мы выберемся и побежим домой, и все всем расскажем! Ну же, побежали!

Марат вскочил, глаза его засияли надеждой, и мы помчались вниз по лестнице навстречу своей свободе.

Но что это, Боже! Все клетки были пусты, кроме одной, самой последней. Там виднелась темная тень, и я не хотела подходить к ней, мы сразу кинулись к окну, но тень позвала нас.

— Лена! Марат!

Мы оглянулись. Из-за частой сетки на нас смотрел... доктор Вильбер!

— Еще один... — сказала я и подумала, что уж теперь наверняка грохнусь в обморок. Но не грохнулась.



— Близнецы, — произнес Марат, окончательно придя в себя.

Он приблизился к клетке и стал разглядывать доктора так, словно тот был диковинной зверюшкой в зоопарке.

— Выпустите меня, — зашептал доктор, вжавшись лицом в прутья, — выпустите, я все вам объясню, мы должны остановить его, ради всего святого...

Марат потянулся к засову, но отдернул руку.

— А какие гарантии, что вы не обманете нас? — спросил он внезапно.

— Да какие тут гарантии? Ты о чем, Марат? — вскричала я. — Ты что, не видишь, что доктор такой же пленник, как и мы!

— Если это доктор, то кто же тогда там, наверху? — недоверчиво мотнув головой, воскликнул Марат.

— Я все вам объясню, — молил тем временем доктор Вильбер. — Только выпустите, иначе эта тварь зарежет нас всех, как кроликов!

Марат наконец, видимо, пришел к какому-то решению и перестал колебаться. Он отодвинул засов и сразу же отскочил в сторону, словно испугавшись, что доктор укусит его.

Но Вильбер, похоже, кусаться не собирался. Он сразу бросился к спасительному окошку, просунул в него голову и начал вертеть ею из стороны в сторону. Через несколько секунд он в изнеможении сполз по стене вниз, где и застыл скрючившись, как та самая маленькая обезьянка в клетке.

— Бесполезно, отсюда никого не дозовешься, — простонал доктор. — Я слишком большой,

чтобы пролезть через это окно. Выход один — вы должны сделать это. Марат, Лена, вы сможете вылезти через окошко?

— Один раз вылезли, — сказала я. — Значит, и теперь...

— Торопитесь, ребята, нельзя терять времени! Он может вернуться, и тогда нам всем конец.

— Да кто он такой? — не выдержал Марат.

— Не время обсуждать это! Вам нужно добратся до моего кабинета, взять из верхнего ящика стола пистолет и открыть засов в кухне. Слышите? И постараться остаться в живых!

— А может, лучше позвать кого-нибудь на помощь? — предложила я. — Не очень-то мы сильны в битвах с чудовищами!

— Не успеете, — обреченно вздохнул доктор. — Пока на помощь звать будете, это чудовище со мной разделается.

Я поняла, что времени действительно терять не стоит, и не колеблясь вылезла в окно.

А вот Марат не вылез. Застрял. Совершенно неуместно мне вспомнилось: «Это потому, что у кого-то слишком узкие двери!» — «Нет, это потому, что кто-то слишком много ест!»

— Я сама справлюсь, — сказала я. — Сама.

Доктор и Марат еще что-то кричали мне вслед, но я не стала вслушиваться и побежала к дому. Быстро побежала.

Слава Богу, наружная дверь оказалась открытой. Она была открыта и тогда, когда лже-Вильбер вышел нам навстречу: я не слышала, чтобы отпирали замок. Стараясь, чтобы дверь не скрипнула, я отворила ее и вошла.

Чудовище было на кухне — я слышала издаваемые им звуки. Какое-то причмокивание, хруст, сопение... Стараясь не вдумываться, что он там такое ест, и благодаря судьбу за то, что он не вышел мне навстречу, я на цыпочках побежала по лестнице...

Вот и кабинет Вильбера, дверь тоже распахнута. Я видела себя со стороны, словно смотрела кино: вот девочка подходит к столу, выдвигает первый ящик и достает оттуда маленькое смертоносное оружие, оказавшееся вдруг ужасно тяжелым и холодным на ощупь. Оно заряжено, в нем шесть маленьких сосудов, в каждом из которых — смерть. И девочка начинает спускаться вниз.

Чудовище стояло внизу, у самой лестницы. Оно поджидало меня, и в руках у него блестел скальпель: я видела, как он сверкнул в лучах солнца. Странно было, что светит солнце, что откуда-то издалека доносятся звуки музыки, что люди отдыхают, веселятся и никто не знает о том, что здесь происходит...

— Вот умница, вот милая... — забормотало оно. — Иди сюда. Что ж ты бегаешь где попало? Пора начинать эксперимент, да-да, пора...

Я выстрелила, не целясь.

Мне приходилось стрелять из папиного духового пистолета по консервным банкам, и я помню, как он кричал: «Есть!» или «Мазила». Как наяву передо мной предстал тот яркий весенний день — разноцветные банки из-под колы и спрайта, веселый папа в новых джинсах, смеющийся, машущий мне рукой, и тяжесть оружия в моей

руке... Я знаю, что попала, что банка, подпрыгивая, летит по траве, и с блаженством закрываю глаза.

Чудовище лежало навзничь. Я попала. И я заплакала — вернее, ощутила, что плачу, потому что слезы просто потекли по лицу. Солененькая вода. Не смахивая их, не утирая, я спустилась вниз и устоялась на поверженного монстра. Теперь я уже удивлялась — как мы могли перепутать его с доктором? Как?

Но раздумывать и размышлять было некогда. Я кинулась в кухню и освободила Марата и доктора. Они бросились ко мне, говорили что-то, обнимали, но я уже ничего не могла сказать, только показывала рукой в ту сторону, где лежало чудовище...

## 15

— Ты сразу поняла, что это было? — спросил меня доктор через неделю, когда мы сидели в его гостиной и пили чай.

Я покачала головой.

— Только когда увидела шерсть на лице. Когда он открыл нам дверь, я подумала, что это щетина, и только потом осознала — волосы мягкие, их никогда не брили...

— Как у Марата, — досказал Вильбер, и мы покатались со смеху, а Марат удрученно потер подбородок, который у него с недавних пор начал покрываться пушком.

— И на руках у него была такая шерсть и под

рубашкой, на груди... И я поняла, что это просто несчастная обезьяна.

— Ничего себе несчастная! — возмутился доктор. — Он был награжден мозгами гения, но обладал поистине животной хитростью. А так как я ввел ему свое собственное, родное ДНК, то он и стал похож на меня и полностью ассоциировал себя со мной... Только был и хитрее и... — доктор хмыкнул, — и сильнее. Он запер меня в эту проклятую клетку и устроил бойню. Проводил опыты, видите ли! Впрочем, я ему за это даже благодарен. Идея не оправдала себя, мне все равно пришлось бы избавляться от этих экземпляров, а мне бы было сложно это сделать. Но тогда я об этом не думал, понимая, что вот-вот придет моя очередь, и он меня распотрошит!

— И тут появились мы... — досказал Марат.

— Именно! И на редкость вовремя! Что бы было с нами, если бы не Елена, страшно подумать! Примат очеловечился больше, чем я предполагал, за счет своей близости к людям, был хитер и силен... Даже жалко его отчего-то...

— А ведь это еще не все, — решила высказать я давно мучающий меня вопрос. — Еще осталась рыба!

— Да, рыба! Знаете, друзья мои, это же страшно интересно! Мне стало казаться, что агрессия созданных мною существ проистекала оттого, что они чувствовали свое подневольное состояние, все время находились в клетках и считали людей чем-то вроде тюремщиков. Потому и кидались на них при первой возможности. А у существа, выросшего на свободе, таких комплексов быть не

должно. Пожалуй, сделаю-ка я вот что: попробую найти контакт с этим существом, предложу ему поселиться у себя и понаблюдаю за ним...

— А где вы его будете держать?

— Не проблема. Оборудую бассейн на участке.

И действительно, в самом скором времени на участке доктора появился бассейн. Мы с Маратом некоторое время купались в нем, а доктор Вильбер днями и ночами пропадал на озере. На все наши расспросы он таинственно улыбался, а в августе, когда мы уже собирались покидать дачи, чтобы вернуться к городской жизни, в бассейне появился жилец — шука-мутант, которого мы окрестили Ихтиандром. Он оказался милейшим созданием — добрым, понятливым, только что говорить не умел. Да еще нас смущали его зубы. Видели зубы у шуки? Вот и у Ихтиандра были такие же! Но он ни разу не пытался пустить их в ход, даже играючи, а играли мы с ним часто. Он, конечно же, помнил нас и знаками показывал, что мы ему нравимся, а нам он напоминал дельфина. Он мог ходить и по суше, только недолго: начинал задыхаться. Мы волновались: как он будет в своем бассейне зимой? Но доктор заверил нас, что придумает что-нибудь.

Грустно было расставаться. Но что делать — надо в школу, пора возвращаться к привычным, повседневным делам.

— Как Ленка повзрослела за одно лето! — вздохнула как-то мама, глядя на меня. — А Марат-то совсем жених!

Я усмехнулась. Еще бы не повзрослеть, мамочка! А с Маратом мы договорились встречать-

ся и в городе — так спаяло нас это волшебное лето. Мы пообещали доктору Вильберу, который оставался с Ихтиандром на даче, что будем приезжать к ним в гости.

Но в Москве нас сразу закрутили дела. Школа, тренировки, новые и старые друзья... То и дело мы с Маратом, встречаясь, говорили, что надо бы прокатиться до дачи, провести нашего друга, но все вздыхали и откладывали. И вот как-то в первый день осенних каникул Марат пришел ко мне с загадочным и радостным лицом.

— Папа едет сегодня на дачу и нас берет с собой! Ему нужно поговорить со сторожем и закупить яблони, а мы навестим доктора и нашего милого Ихтиандра!

С радостным воплем я помчалась собираться. Я прямо не верила своему счастью, пока не подъехали к Черной Даче. Мы с Маратом разделились: он помчался к бассейну, чтобы провести, не там ли зимует Ихтиандр, а я — прямо в дом. Дверь была открыта.

— Доктор Вильбер! — крикнула я вверх. — Это мы приехали...

И осеклась. На светлых ступенях были следы — кровавые следы, словно кто-то волок вверх что-то тяжелое, оставляющее за собой красную дорожку. И тишина. И холод, как будто в доме не топили с начала холодов.

— Доктор! — позвала я снова.

И услышала, как наверху открылась дверь... Я почувствовала, как буквально каменею от ужаса. Сердце забилося часто-часто, и зубы застучали, будто бы я продрогла до костей.

— Марат! — что есть силы закричала я, но вместо крика из моего горла вырвался тихий, сдавленный писк.

Тем временем на лестнице слышались какие-то странные звуки. Они были похожи на шаги, но такие, словно бы человек решил вдруг походить по лестнице в лапах.

Шаги приближались, а я стояла на месте, точно окаменев, и не могла пошевелить ни рукой, ни ногой.

Шлепанье приближалось. Еще мгновение, и существо, кем бы оно ни было, спустится с лестницы и предстанет передо мной во всей своей красе.

В последний момент ко мне вернулись силы и я вылетела из дома с истошным криком. При всем при этом я еще умудрилась захлопнуть за собой дверь. Но предпринимать что-либо дальше сил у меня не было. Я прислонилась спиной к двери и медленно, с тихим стоном сползла вниз.

В таком виде меня и нашел Марат, прибежавший через минуту, услышав мои вопли.

— Что случилось? — испуганно спросил он.

Я ничего не ответила, только помотала головой.

— Как ничего? А зачем же ты тогда орала как резаная? — возмутился Марат.

Меня продолжало трясти, и я по-прежнему не могла сказать ни слова.

— Да что с тобой такое? — заметив наконец мое состояние, спросил Марат.

— Там... я видела... там... — невнятно пролепетала я.



— Что ты видела? — насторожился Марат.

— Там кровь на ступеньках и ходит кто-то...

Марат хотел задать следующий вопрос, но тут дверь позади меня заходила ходуном. Я отскочила от нее как ошпаренная.

— Ну-ка, побежали отсюда, быстро! — заорал Марат, хватая меня за руку.

Никогда в жизни я еще не бегала так быстро. Да и Марат, я думаю, тоже. Мы бы наверняка смогли отхватить парочку золотых медалей на олимпийских играх или получить по инфаркту... Но вовремя остановились.

— Ну, теперь рассказывай, что ты там такое видела? — спросил Марат, когда мы были уже далеко от дачи доктора Вильбера.

— Я не знаю, что я видела, но там произошло что-то ужасное, — выпалила я.

— Очень подробный рассказ, — перевел дух Марат. — И что же, по-твоему, там произошло?

— Не знаю! — повторила я. — Но там кровь на ступеньках лестницы, и еще кто-то шел, но я не видела кто.

— И ты так напугалась, что потеряла всякую способность думать, — прокомментировал мое тогдашнее да и теперешнее состояние Марат.

— Посмотрела бы я, как ты себя повел на моем месте! — зло ответила я. У меня щемило в груди, дыхание рвалось со свистом. Ох, надо было ходить на физкультуру!

— Ты знаешь, а ведь Ихтиандра нет в бассейне, — сменил тему Марат.

— И что же это значит? — чувствуя, как вновь начинает бешено колотиться сердце, спросила я.

— Это может значить что угодно, — ответил Марат. — Но я думаю, что ничего уж очень страшного не произошло. Скорее всего, Ихтиандр поранился, и доктор Вильбер взял его наверх, чтобы оказать помощь. Отсюда и кровь на ступеньках.

— Хотелось бы мне верить в то, что это действительно так.

— Я думаю, что нам нужно вернуться и все выяснить, — убежденно сказал Марат.

— Не надо! — завопила я что есть мочи. — Маратик, миленький, не нужно туда больше ходить! Я ужасно боюсь!

— Ты можешь остаться здесь, а я схожу один. — Марат был настроен весьма решительно.

— Ну уж нет! Если идти, то вместе. Хотя мне очень страшно, я тебя одного не брошу!

— Ну, как знаешь, — сказал Марат, и по тому, с каким облегчением он это произнес, я поняла, что он тоже боится, только не хочет показать виду.

— Мы вернемся на дачу Вильбера, только у меня к тебе одна просьба, — умоляюще попросила я. — Давай не будем сразу заходить в дом, а сначала залезем на балкон и заглянем в окно. По старой традиции.

— Хорошо, — на удивление быстро согласился Марат. — Пошли!

И вот мы снова возле Черной Дачи. Теперь она казалась мне даже более мрачной и зловещей, чем раньше.

— Смотри-ка, на улице холод, а балконная дверь открыта, — как бы разговаривая сам с собой, сказал Марат.

— В доме тоже не жарко, как будто там еще не топили ни разу с наступления холодов, — сказала я.

— Все это странно, но отступать нам некуда. Обязательно нужно выяснить, что происходит, — ответил Марат, все еще силясь не показать мне, как он боится.

Мы взобрались на балкон. Это было не так-то легко сделать в куртках и осенней обуви, но мы справились. Заглянув в грязное, давно не мытое окно комнаты внизу, мы не увидели ничего ужасного и странного, разве что беспорядок. Но это было для рассеянного доктора не так уж необычно.

— Придется лезть внутрь, — заявил Марат.

Я не успела и слова сказать, как он уже толкнул дверь и шагнул внутрь. Мне не оставалось ничего иного, как только последовать за ним.

— Куда мы идем? — шепотом спросила я.

— В операционную, — также тихо ответил Марат.

Вот и знакомое помещение. Дни уже стали короткими, смеркалось рано, и поэтому комната была погружена во мрак.

— Нужно включить свет, — заявил Марат и направился к выключателю.

Лучше бы он не включал его!

Мы нашли доктора Вильбера. Вернее, то, что от него осталось, а осталось не так уж и много — омерзительные куски мяса в ключьях одежды... И голова — страшная, мертвая голова с оскаленным в последнем крике ртом, глядящая на нас остекленевшими глазами.

Я почувствовала себя как в одном из тех кош-

марных снов, когда хочешь, но не можешь бежать, когда ноги ватные, а из горла никак не может вырваться вопль ужаса... Марат, очевидно, чувствовал то же самое, и мы оба даже не шелохнулись, когда медленно открылась дверь...

На пороге стоял Ихтиандр. Если бы я не знала, что второго такого на свете нет, я бы не узнала его. Пасть его была окровавлена, глаза мутны и бессмысленны, но в то же время на его морде застыло странное осмысленное выражение обожленного разума... При виде нас он дрогнул, что-то вроде улыбки появилось на его морде, и он сделал шаг навстречу, протянув вперед руку, словно для приветствия.

Но нам вовсе не хотелось с ним здороваться! Марат опомнился первым: он схватил меня за руку и потащил к балкону, я не сопротивлялась. Даже и не помню, честно говоря, как мы спустились вниз. Помню только, что, оказавшись на земле, я с облегчением подумала: Ихтиандр боится высоты, он не кошка, он не полезет за нами на балкон, не спрыгнет вниз...

Но я ошиблась: он все же вышел на балкон и даже облокотился на перила. Марат тащил меня за руку к воротам, а я все не могла отвести глаз от жуткой фигуры, растворяющейся в синих сумерках...

— Встретимссс-ся... — донесся до меня шепот.

Вот тут-то мне стало совсем плохо. Раньше Ихтиандр не умел разговаривать, потому что все-таки был рыбой, а теперь он, хоть и невнятно, но говорил...

— Его нужно уничтожить, — убежденно сказал Марат, когда мы, более или менее успокоившись, сидели в его комнате на даче. — Ихтиандр уже съел доктора, и теперь он будет искать новую жертву.

— Почему он озверел? — все еще не в силах поверить в происходящее, спросила я.

— Не знаю. Возможно, что доктор Вильбер так и не прекратил свои эксперименты. А может быть, бассейн показался ему клеткой и у него начались вспышки агрессии, — без всякой убежденности в голосе ответил Марат. — Ясно одно: Ихтиандра нужно уничтожить.

— Только мы не станем делать этого сами, — сразу же заявила я. — Мы расскажем все родителям, а они уж пусть решают, что со всем этим делать! Иначе я до выпускного вечера не доживу — нервов не хватит!

— Хорошо, как скажешь, — согласился Марат. — Я думаю, что убить его будет несложно. Не очень-то он ловкий. У него же плавники, а ими не слишком удобно драться. Думаю, что доктор Вильбер просто не ожидал, что Ихтиандр озверет. Может, он его прямо во сне и...

— Не говори мне про это! — чуть не расплакавшись, сказала я. — Это жутко! Мы так спокойно сидим и беседуем о том, как доктора Вильбера... съели! Но одно мне придется тебе сказать! Должно быть, ты так испугался, что кое-чего не заметил!

— Да? И чего же? — немного обиделся Марат.

— Когда Ихтиандр стоял на балконе, он держался за перила!

— Ну и что? — удивился Марат.

— Ты все еще не понял? Он цеплялся за них! У Ихтиандра отросли руки! — воскликнула я.

— Значит, он продолжает превращаться, — задумчиво сказал Марат.

— Да, и становится все опаснее, — продолжила я.

— Нужно срочно действовать! — заявил Марат.

## ЭПИЛОГ

Через неделю, прислушавшись наконец к нашим с Маратом стенаниям, мой и его папа поехали на дачу доктора Вильбера. Они вооружились охотничьими ружьями и категорически отказались брать нас с Маратом с собой.

Мы все извелись, пока дождались их возвращения. А вернулись они, ох, как не скоро. Потому что им пришлось облазить всю дачу в поисках нашего Ихтиандра.

Однако озверевшего мутанта они так и не нашли. Бесследно исчезли и останки доктора Вильбера.

Мой папа был рассержен. Он решил, что все это мы с Маратом выдумали. Папа сказал, чтобы я больше никогда не смела даже заикаться о страшилищах и чудовищах, потому что он и так чувствует себя полным идиотом. А если я заикнусь, он будет настаивать на визите к психиатру!

Мне нечего было сказать в ответ. В тот же день мы встретились с Маратом. Его папа тоже устроил ему приличную взбучку.

— Куда же мог подеваться Ихтиандр? — задал Марат чисто риторический вопрос.

— Не знаю, но думаю, что он стал намного умнее, чем прежде... — сказала я.

— Где же его теперь искать? — продолжал вслух рассуждать Марат.

— Может, он вернулся в пруд? — предположила я.

— Не думаю. Скорее, он адаптируется к суше... А это значит...

— Это значит, что его следующей жертвой может стать кто угодно! — закончила я.

— Его нужно остановить! — воскликнул Марат.

# ТАИНСТВЕННЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ

**Это серия захватывающих дух историй, в которых ты столкнешься с необычным доктором, пытающимся превратить животных в людей, и с ужасными последствиями его экспериментов. Ты узнаешь о загадочной старинной кукле со странными глазами, за которой начинается настоящая охота. Вместе с героями книг ты будешь расследовать запутанное дело, в котором замешаны пришельцы из космоса, а может быть, вовсе и не пришельцы, а кто-то другой...**

**Перед тобой откроется прекрасный, непредсказуемый и часто очень опасный мир загадок и тайн.**

**В серии  
«ТАИНСТВЕННЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ»  
также вышли книги:**

**Н. Чернова. «ТАЙНА ЧЕРНОЙ ДАЧИ-2»**

**А. Ф. Джоунс. «ХАНТЕР И МУН-1. ЗЛОВЕЩИЕ ГЛАЗА»**

**А. Ф. Джоунс. «ХАНТЕР И МУН-2. ОГНИ ПРИШЕЛЬЦЕВ»**





Издательство «РОСМЭН» предлагает юным читателям новую остросюжетную серию

## КОМПЬЮТЕРНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Информация из Интернета может стать началом реальных захватывающих приключений. А иногда это бывает такая информация, которую вообще лучше и не знать. Так, например, герои одной из книг, путешествуя по Интернету, становятся свидетелями настоящего убийства!..

В серии  
**«КОМПЬЮТЕРНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ»**  
уже вышли книги:

П. Северцев. «ТАЙНА СОКРОВИЩА ХАКЕРА»  
П. Северцев. «КАНИКУЛЫ. Начало приключений»  
П. Северцев. «СЛУЧАЙНЫЙ СВИДЕТЕЛЬ»  
Продолжение приключений»



Готовятся к изданию:

П. Северцев. «ПРОПАВШАЯ РЕЛИКВИЯ»  
П. Северцев. «ТАЙНА БЕЛОЙ ЛЕДИ»

*Литературно-художественное издание*

для СРЕДНЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

**Чернова Наталия**

*«Таинственные приключения»*

## **ТАЙНА ЧЕРНОЙ ДАЧИ-1**

Ответственный редактор Е. И. САЛОМАТИНА

Редактор Л. Г. СИЛИНА

Художественно-технический редактор

М. В. ГАГАРИНА

Корректор Л. А. ЛАЗАРЕВА

*Издание подготовлено компьютерным  
центром издательства «РОСМЭН».*

Лиц. изд. № 071924 от 02.07.99.

Налоговая льгота — общероссийский  
классификатор продукции ОК-005-93, том 2;  
953000 — книги, брошюры.

Подписано к печати 06.04.2000. Формат 84 × 108<sup>1/32</sup>.

Бум. типогр. № 1. Гарнитура Ньютон. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 7,56. Тираж 10 000 экз. Заказ № 1095. С 183.

ООО «Росмэн-Издат».

125124, Москва, а/я 62. 1-я ул. Ямского поля, 28.

МЕЛКООПТОВЫЙ СКЛАД:

Москва, 1-я ул. Ямского поля, 28 (левое крыло).

Тел.: (095) 257-34-75.

ОТДЕЛ ОПТОВЫХ ПРОДАЖ:

все города России, СНГ: (095) 257-46-61;

Москва и Московская область: (095) 257-41-32.

Отпечатано с готовых диапозитивов  
на полиграфической фирме «Красный пролетарий».  
103473, Москва, Краснопролетарская, 16.

**Чернова Н.**

Ч-49 Тайна Черной Дачи-1: Триллер для детей. — М.: Росмэн-Издат, 2000. — 141 с. — (Таинственные приключения).

Эта книга рассказывает о таинственном докторе, который пытается превратить животных в людей, и об ужасных последствиях его экспериментов.

Двое друзей обнаруживают, что на одной из дач поселка поселился доктор Вильбер. Друзья подозревают, что на даче происходит что-то ужасное. Выясняется, что доктор ставит эксперименты по превращению животных в людей, причем эксперименты эти имеют далеко не безопасные последствия...

ISBN 5-8451-0183-2

ББК 84(2Рос)6



Наталья Чернова

# Тайна Черной Дачи-1



Лена и Марат обнаруживают, что на одной из дач поселка поселился таинственный доктор Вильбер. Друзья подозревают, что на даче происходит что-то ужасное. Выясняется, что доктор ставит эксперименты по превращению животных в людей, причем эксперименты эти имеют далеко не безопасные последствия...

— *Что с тобой? — спросила я, хотя мне вовсе не так сильно хотелось знать, что с ним произошло. Я боялась.*

— *Меня испугала собака, но на самом деле это была не собака, — тихо сказал Марат.*

— *А кто? — спросила я и испугалась, что Марат сошел с ума.*

— *Я не знаю. Это было что-то похожее на собаку, но не собака. Я никому больше не говорил, потому что боялся, что мне не поверят. Но ты мне поверишь, правда?*

— *Правда, — ответила я. — Рассказывай.*

— *Это была собака с человеческим лицом...*



ISBN 5-8451-0183-2



9 785845 101839